

The background of the entire page is a repeating pattern of red roses on black stems with green leaves. The roses are stylized with white outlines and are scattered across the white background.

Ника Энкин

Из жизни молодой одинокой женщины

16+

Ника Энкин

**Из жизни молодой
одинокой женщины**

«Автор»

2014

Энкин Н.

Из жизни молодой одинокой женщины / Н. Энкин — «Автор»,
2014

Не так просто найти единственного в огромном мегаполисе. Тем более для молодой, успешной и амбициозной женщины. Так часто мы обманываем себя, принимая фальшь за истину - был бы милый рядом. Смех, слезы, любовь, ненависть, поражения и победы.. Москва. 90-е годы.

© Энкин Н., 2014

© Автор, 2014

Ника Энкин

Из жизни молодой одинокой женщины

Разум, опутанный страстями,
оказывает нам такую же пользу,
какую крылья оказывают птице со
склеенными ногами.

Пьер Шаррон

Страсть – временная субстанция, достаточно быстро переходящая в иные стадии: любовь, привязанность, разочарование, охлаждение и даже ненависть...

Имеет ограниченный срок хранения. При неосторожном обращении выветривается моментально.

Лера открыла глаза от солнечного света, проникающего сквозь тонкую занавеску. Неужели мне это не приснилось, – вспомнила она вечерний неприятный разговор. Нет, не может быть! Как хочется проснуться и стряхнуть с себя вчерашний кошмар как страшный сон. Но это была явь и подтверждением тому рядом мирно спал интересный брюнет. Лера, повернувшись, всматривалась в такие любимые доселе черты и, даже не смотря на страшное известие, не могла себе признаться, готова ли расстаться с ним сейчас...

Валерия встречала Тельмана в Домодедово незадолго до Нового года. Они не виделись почти месяц и молодая женщина не могла дожидаться, чтобы опять окунуться в эти любимые бархатные карие глаза, услышать спокойный, убаюкивающий голос, да и просто кинуться, как в омут, к нему в объятия.

Тельман выглядел похудевшим, осунувшимся и каким-то посеревшим. Обняв Валерию и поцеловав, еле коснувшись щеки, сел рядом с ней в машину.

–

Ты неважно выглядишь, что-то случилось? – поинтересовалась Лера.

–

Поехали домой, – не ответил на заданный вопрос Тельман.

Все время ехали молча и Лера, периодически бросая взгляд на любимого, не могла понять: что произошло за этот месяц. Они постоянно созванивались и она как бальзам слышала его такое теплое обращение «родная».

–

Мне надо тебе кое-что сказать, – язык Тельмана наконец развязался после ужина и выпитого вина. – Я должен был сделать это раньше, но мне не хотелось портить тебе настроение перед поездкой в Египет...

–

Ну говори, наконец, что случилось с тобой? – поторопила его Лера.

–

Случилось с тобой, – уточнил Тельман, сделав акцент на словах «с тобой». – Ты больна.

Лера меньше всего ожидала услышать это. Больна? Что за бред? Это шутка? Что он такое говорит? Она подумала, что ослышалась... Цветущая молодая женщина, а сейчас особенно, приехав из Египта: загоревшая, и ставшая от этого еще стройнее, с выгоревшими светлыми волосами. Зеленые глаза вспыхнули изумрудным блеском на ее смуглом лице. В них читался вопрос.

–

У тебя сифилис, – это зазвучало как приговор.

–

Что за чушь?– рассмеялась она.– Что ты несешь?

И он рассказал ей: его жена ходила в поликлинику сдавать кровь и у нее обнаружили эту болезнь, порекомендовали сдать анализ и ему. Тот же диагноз.

–

Я пролечился и сейчас здоров, – Тельман смотрел на Леру горящим взглядом. – Почему, ты думаешь, я так похудел? Ночами спать не мог. Как мне было объяснить жене – откуда это... Да и лечение не из легких.

–

А с чего ты взял, что я больна? – все потемнело перед глазами у Леры. – Почему я должна быть больна? Почему ты не считаешь, что жена явилась переносчиком инфекции?

Мысли судорожно носились в голове у молодой женщины. Мир, казавшийся еще несколько часов назад счастливым и совершенным, рушился, земля уходила из-под ног. Да какое это сейчас уже имеет значение: жена или не жена. С Тельманом она спала, не предохраняясь – поэтому, если он был болен месяц назад (а по всей видимости это так и было), она уже тоже инфицирована. Просто болезнь еще где-то бродит, никак не дав о себе знать. Где-то бродит...

Лера даже произнести не могла: инфицирована сифилисом. Господи, какой кошмар, стыд... В буйном воображении уже мелькали картинки из посещения кожвендиспансера, полные укоров взгляды врачей (ведь нормальный человек не может заразиться сифилисом никогда и ни при каких обстоятельствах). Так кто она – проститутка? Даже эти женщины продажной профессии сейчас так хорошо предохраняются, что вряд ли каким-то образом могут подцепить ужасную болезнь.

Что делать? Информация не укладывалась в голове. Надо что-то делать! А почему, собственно говоря, она должна быть инфицирована? Это еще надо проверить! В конце концов, у нее нет абсолютно никаких симптомов.

–

А зачем твоя жена ходила в поликлинику? – поинтересовалась Лера.

–

Не знаю, надо ей было, – он явно не хотел говорить правду.

–

Но ведь на сифилис необходимо сдавать специальный анализ, – продолжала настаивать Лера.

–

Я не знаю, у нее обнаружили и отправили меня.

–

Так она тебя и заразила, милый мой. Зачем же ты меня делаешь виноватой, а жену во всем оправдываешь?

–

Откуда она могла?

–

А я откуда? Только от тебя! Знаешь, я уверена на все сто, что нет у меня никакой болезни. Завтра пойду и все проверю.

–

Так не может быть! – уверенно ответил Тельман. – Мы спали, не предохраняясь.

И тем не менее, когда был погашен свет, Лера не смогла сдержаться: она так скучала!

–

Родная, давай потерпим, – шептал Тельман. – Я уже вылечился. Я не хочу опять заболеть.

И этот мягкий голос, это его «родная» еще больше раззадоривало молодую женщину. Ничто не могло сдержать ее от слияния с любимым телом, безудержная сумасшедшая страсть взяла в плен всю ее, включая рассудок. Даже сейчас, зная, что мужчина не так давно вылечился (а до конца ли?) от страшной болезни, она не могла удержать себя от порыва почувствовать его внутри себя.

—

Не могу, не сейчас, потерпим...— шептал Тельман, но уже не так настойчиво.

И молодые сильные тела их слились в едином клубке. Светлые длинные волосы молодой женщины оказались на плечах Тельмана, укрыв их шелковым покрывалом, а затем, в один миг, вдруг разметались по подушке. Полуоткрытый рот ее издавал стоны, хрипы. Тельман смотрел сверху на свою женщину, раскинувшуюся под ним и, чувствуя полное господство над ней, прохрипел:

—

Что ты со мной делаешь, Лера?

Глава 1.

Их связь оказалась случайной и не совсем. Они были знакомы года два до произошедших событий. Лера работала правой рукой директора туристической фирмы. Тельман периодически приезжал в Москву из Махачкалы, по бизнесу. В то время он и его друзья занимались дагестанскими коврами ручной работы. Каким образом директор туристической фирмы отдал часть помещений дагестанцам под ковры, история умалчивает. Но тем не менее, Лера сразу заприметила интересного молодого человека, периодически появляющегося в коридоре их офиса. У своего боса потихоньку выведала, что тот женат, в Махачкале жена и двое маленьких сыновей. Почти все из «ковровых бизнесменов» имели в Москве вторую семью, не забывая об основной, дагестанской. Кто-то совмещал, катаясь туда-назад. Кто-то просто отправлял деньги, не утруждая себя наездами и проживая постоянно в московской квартире, уже у другой жены. Никто никого не осуждал. Дагестанцы – народ горячий, без женщины долго не могут. Что чувствовали жены, остается только догадываться. Хотя, может всех все устраивало. Деньги шлет немалые – и то хорошо! Воспитаны они по-другому. А московские жены очень даже привечали дагестанцев...

Каждый раз, когда Лера видела Тельмана, сердце ее нехорошо замирало. Она не могла понять, почему. Не рассматривала она его как будущего партнера по жизни: женат, маленькие дети. Но сердечко колотилось. К беде ли? К счастью? И каждый раз, глядя в эти бездонные карие глаза, обволакивающие ее мягкой улыбкой, она долго не могла успокоиться. Ну право, как школьница... Достаточно было просто кивка головой, приветствия. И все замирало внутри. Знала она: неспроста это.

Тельман стал появляться в Москве все чаще и чаще. И вот, в один из июльских дней, в офисе отмечали его день рождения. Конечно, дагестанские «мальчики» пригласили девушек из туристического агентства. Как водится, поели черной икры и балыка – даров Каспия, выпили дагестанский коньяк за здоровье именинника. И Лера поняла, что влипла по уши. Хочет она его, хоть умри. Давно хочет. Безумно хочет. А когда Лера чего-то очень хотела, она привыкла это получать. Вернее сказать, брать самой – никто никогда ей ничего на блюдечке не приносил. А тут, как говорится, все средства хороши.

Безусловно, она видела, что нравится Тельману тоже, но мужчины ее побаивались. Она не распространялась о своей личной жизни и слыла крутым нравом. Люди, впервые пришедшие в офис, интересовались у боса:

—

А кто это такая у вас, крутая? За ней стоит кто-то?

А за ней никто не стоял. Молодая разведенная женщина с маленьким ребенком.

Конечно, Тельман сам бы никогда не сделал первый шаг. Он видел, что Лера из себя представляет и понимал, что не может дать ей то, чего она заслуживает и чего достойна. А чего она заслуживает? Что у нее в душе? И вообще, из какого теста она вылеплена: знала только сама женщина.

Она давно хотела Тельмана, как ребенок хочет красивую игрушку, и сегодня, воодушевленная коньячными парами, витающими внутри ее, решила: «Вот оно, больше такого шанса не предвидится!» Наверное, все вокруг тоже что-то чувствовали – шаг за шагом офис опустел и они остались вдвоем. Тельман был пьян.

–

Нам тоже пора! Смотри, уже никого нет..., – сказала Лера. – Куда тебя отвезти?

Ответ она прекрасно знала: к себе домой. Но нужна ведь какая-то прелюдия. Женщина она, в конце концов, или кто? Подойдя к поникшему Тельману, она коснулась его руки:

–

Что же ты так напился-то?

Он поднял на нее глаза, пьяные, но внезапно просветлевшие, как будто только и ждал этого прикосновения. Рывком прижал ее к стене и начал покрывать поцелуями лицо, шею, плечи.

–

Я так давно хотел тебя, но не решался, – шептал Тельман, одновременно пытаясь расстегивать ее блузу. – Лера, милая...

–

Давай уедем отсюда, ко мне. Здесь не место, – Лера мягко отстранила Тельмана от себя и, забирая его пиджак, повела на выход из офиса.

На следующее утро они проснулись в Лериной кровати, а через пару дней Тельман переехал к ней. С несколькими костюмами и несметным количеством рубашек и галстуков. Любил он костюмы, и они отвечали взаимностью: шли ему безумно.

Тельман был невысокого роста, а учитывая любовь Леры к каблукам – ниже ее. Лицо: вылитый Аль Пачино в одном из его ранних фильмов «Жизнь взаимы» в роли Бобби Дирфилда. Быть может, для Леры и явился таким притягательным Тельман – в Аль Пачино она влюбилась именно после этого фильма, посмотрев его в свои четырнадцать лет. Юношеские идеалы, как правило, умирают быстро, а вот у Леры он жил до сих пор. И вот он, живой Бобби Дирфилд. Для тех, кто не знаком с Аль Пачино, опишу: главное – глаза. За них можно душу дьяволу отдать. Они обволакивают, они смеются, они удивляются, они грустят... В них – вся жизнь и все эмоции от «а» до «я». Большой итальянский (в данном случае дагестанский) нос, жесткие непокорные черные волосы. Тельман, как и все дагестанцы, в свое время занимался борьбой – отсюда прекрасное телосложение.

Леру нельзя было назвать красавицей с первого взгляда. Да, она была эффектна и знала себе цену. Высокая, худая – могла бы составить конкуренцию фотомоделям при хорошем стечении обстоятельств. Но звезды не благоволили стать Лере моделью – не оказалась она в нужное время в нужном месте. Красивые зеленые глаза, далеко не идеальной формы «породистый» нос с чуть заметной горбинкой, тонкий рот. Шикарные густые волосы. Все в совокупности ... Однако ее надо было рассмотреть – мужчины не падали штабелями от ее красоты на улице. Отнюдь... Она брала сексуальностью, обаянием и очаровательной голливудской улыбкой.

Первое время Лера парила как на крыльях. Это и были крылья любви. А когда любовь – она у всех одинакова. Она не была так счастлива давно. А вообще, была ли она счастлива? Когда-либо в личной жизни?

Лера вышла замуж семь лет назад. Одновременно переехав в столицу. Вернее, она переехала в Москву, чтобы выйти замуж за человека, с кем познакомилась совсем в другой республике. Вышла она за него без любви. Просто потому что время подошло. Мораль советских времен поощряла ранние браки. Более того, менталитет того времени настаивал на них. Как и на раннем деторождении.

—

Замуж надо, замуж, – талдычила ее мать. – Смотри, уже двадцать два, скоро никто и не посмотрит.

—

Мам, за кого выходить-то?– пыталась защититься от нападок Лера. – Не встретился пока тот, единственный.

—

Знаешь, как говорят в народе: « В двадцать ты спрашиваешь

– красив ли он, в двадцать пять – умен ли он, а в тридцать – где он?»

В который раз Лера слышала это от своей современной матери, которой доверяла все девические секреты и с которой они были как подружки. Странно, какая мать не хочет счастья для своей дочери?

—

Конечно, чего она будет торопиться. Квартира у нее своя, никто не пилит, пришла, закрыла за собой дверь и трава не расти. Она всю жизнь так и просидит в девках, – подливал отец масла в огонь.

Безусловно, у Леры были ухажеры в небольшом городке, где она закончила школу, училась на вечернем факультете в университете, и одновременно работала экономистом в областном управлении известной отрасли: почта, телеграф, телефон. Связь, одним словом. Инженеры, только окончившие институт, постоянно крутились возле девушки. Симпатичная, да еще и со своей квартирой, что всегда являлось большим плюсом для специалистов из области, проживающих в общежитии. Лера любезно принимала знаки внимания, но никто не смог растопить ее сердце.

Кроме красавца-венгра, выбившего почву из-под ног неопытной девушки ровно на два года, сводя ее с ума одним своим присутствием. Водитель, периодически привозящий начальника районного центра на прием к их, самому главному, областному, секретарем которого она тогда работала. И так, наездами, тихим сапом, влюбил опытный, уже успевший побывать в браке, мужик юную неискушенную девицу. Два года поматросив и, наконец, бросив, он все-таки стал первым мужчиной для Леры. Вот такого вот очередного венгра и боялись больше всего ее родители. Чтобы жизнь не испортил дочери. Поэтому и настаивали с завидной периодичностью о замужестве.

Когда подвернулся Олег, они были руками и ногами «за». Только мудрая бабушка, любимицей которой являлась Лера, выросшая у нее на руках, когда все встали из-за стола после ужина в честь знакомства, тихонько заметила

—

А Олег не прочь выпить...

Тогда никто не придавал этому значения. А зачем? Видный парень, москвич. Работает, учится, семья достойная...

—

Он не особо красивый, ну и ты тоже... – как такое может сказать мать дочери, Лера, сама уже мать, до сих пор не понимала.

Есть девушки от природы: как есть – красотка. Все естественное, натуральное. Тонкие волосики обрамляют нежное личико, светлые бровки, голубые глазки, губки бантиком – ангел во плоти... Мужчины, в первую очередь, обращают внимание на такое вот воплощение жен-

ственности. Им кажется, что и характер у такого небесного создания ангельский, по определению.

Лера, в жилах которой текло много кровей, не отличалась такой внешностью. Красивые зеленые глаза портили очень густые черные брови, слишком низко посаженные и делающие лицо насупленным, угрюмым, копна непокорных волос никак не хотела подчиняться и свидетельствовала о таком же строптивом характере их обладательницы. Носик – не кнопкой, и губки далеко не бантиком. Рот ее, тонкий и упрямый, ясно давал понять о нраве Леры. Одним словом, не ангельская внешность. Скорее, наоборот. Позже, рассматривая известных моделей в молодости, в те восьмидесятые, Лера неоднократно убеждалась, что у всех у них были такие же непокорные волосы и густые брови, которые там, за границей знали как обуздать. И пустить в нужное русло для блага их обладательниц.

Не умела тогда следить за собой Лера, никто не учил. Что-то урывалось из обликов иностранных звезд, фотографии которых вырезались из журналов: осветленная прядь волос, например. Но не было того, что мать может посоветовать дочери: как правильно подкрасить глаза, чтобы сделать их ярче, красивее, как выщипать брови, чтобы не повредить естественную линию и не дорисовывать ее потом всю оставшуюся жизнь, как красиво подрисовать губы, чтобы выглядели полнее и сочнее. Да много каких «секретиков» может передать мать «по наследству» дочери (кому же еще, если не ей?) Но ничего особенного не было и в арсенале Лериной матери. Только периодически, чтобы не задирала нос, подбрасывала дочери подобного рода «комплименты». Ну если родная мать говорит, значит надо верить. Не красивая...

Как-то все получилось быстро и поспешно у Леры и Олега. Познакомившись в сентябре на юге, на ноябрьские Лера были приглашена в Москву. Ничего сразу не кликнуло у нее по отношению к парню. Более того, физически отталкивал он ее очень сильно. Понравились, правда, родители, которым она была представлена в первый же приезд. Они-то и сыграли, пожалуй, самую важную роль во всей этой истории. «У таких родителей не может быть плохой сын. По определению», – решила для себя Лера. А красота, любовь... Где эта любовь? В маленьком, богом забытом, городке... Стерпится, слюбится.

Следующая встреча состоялась в январе, у нее дома. Вернее, Лера не ждала Олега: одно дело по телефону говорить, другое... Ну не могла она представить себя с ним в постели. Хоть режьте. Что же мучить так себя? И когда пришла телеграмма: «Встречай. Поезд такой-то, время прибытия...» все внутри опустилось. Еще и во время сессии заявился. В те несколько дней пребывания Олега в ее маленьком городке, она ему стелила постель у себя в квартире, а сама уходила ночевать к родителям, в соседний подъезд. Масла в огонь подлила подруга, заскочившая как-то на огонек, и увидавшая столичного гостя. А гость, надо признать, умел развлекать разговорами умными да фразами красивыми. Москвич! Выпили коньяк, привезенный Олегом, закусили конфетами «Ассорти» Бабаевской кондитерской фабрики. У Олега, как и у всех неуверенных в себе людей, после спиртного язык развязался; глазами, похожими на Олега Даля, он обволакивал Леру.

–

Не упusti его, – шепнула подруга, когда Лера вышла проводить ее в прихожую. – Дурой будешь. В нашей дыре никогда подобного не найдешь.

Подруге Валерия доверяла, как самой себе. Ну раз уж она сказала, значит не такой уж он непривлекательный. И решила. Сдав последний экзамен, пришла к себе домой. Олега не было. Зато на журнальном столике красовалась изумительной красоты икебана, купленная в цветочном магазине на углу. Из духовки вкусно пахло рагу из баранины, которое Олег обещал приготовить. На кухонном столе выстроилась колоннада из пивных бутылок. Все чисто, прибрано, никаких следов готовки. И как-то стало вдруг Лере одиноко теперь в этой ее квартире, но без Олега, к которому вроде бы и не привыкла за эти несколько дней, но уже так ощутимо чувствовала его отсутствие. «Надо что-то делать», – решила она. А что делать? Сегодня послед-

ний вечер вместе. Завтра он уезжает. И ему ясно: если сегодня не будет близости – не будет ее никогда. Лера, откупорив бутылочку пива, с удовольствием ее опустошила... Для смелости.

К приходу Олега, она готова была броситься к нему в объятия. Парень, вначале немного ошарашенный такой резкой переменой в поведении незнакомки-Леры, быстро пришел в себя и приступил к решительным действиям. Всю ночь они гуляли потом по маленькому красивому городку, целуясь под медленно кружащими в свете фонарей снежинками.

В феврале Лера приехала в Москву, чтобы подать заявку в ЗАГС. Родители Олега, мягко сказать, были ошарашены. Уже позже, свекровь признавалась Лере: как старалась сделать все, чтобы этот брак не состоялся. Как не хотела отпускать сына к Лере, зная, чем все закончится.

–

Что тебе здесь девок мало? – сотрясала руками свекровь. – Москва большая, не найдешь, что ли? Зачем везти откуда-то?

Но ленивый и тяжелый на подъем Олег, здесь проявил завидную настойчивость и напористость. Наверное, действительно очень любил он Леру и хотел видеть рядом с собой в качестве жены.

А что же Лера? После физического сближения, она как-то по-другому стала относиться к Олегу. Как стена незримая сломлена была... Она смогла переступить через себя, а любви Олега хватало на них двоих.

Уже до свадьбы она видела, что Олег для друзей ничего не пожалеет – не умел он с деньгами бережно обращаться, мог на зарплату пригласить ребят в ресторан и все спустить, не задумываясь о завтрашнем дне. Работая инструктором по вождению в школе ДОСААФ, он одновременно учился на вечернем факультете в Автодорожном институте. Живя под крышей у мамы с папой, единственный сын, он знал, что всегда будет накормлен, обут, одет. И на мелкие расходы родители дадут любимому сыну. Ничего, думала Лера, будет семья – все встанет на другие рельсы.

Один инцидент омрачил ее настроение, как будто пытался призвать к ее разуму. Пока не поздно.

За несколько дней до свадьбы молодые возвращались из центра, домой. В течение последнего часа Лера наблюдала за своим женихом и понимала: что-то с ним происходит. Спросить не решалась, он же угрюмо молчал и невесту, казалось, не замечал. То ли сыграло роль лирическое настроение, то ли что-то почувствовала девушка неладное, но слезы вдруг полились из ее глаз. Ей стало жалко себя, покидающую своих родителей, любимую бабушку, небольшой, но родной городок, свое гнездышко, обставленное с таким вкусом. И куда она едет, к кому? У нее здесь ни-ко-го... Не нужна ей эта Москва, как не нужна была все эти годы – она даже как турист сюда не стремилась приехать. Большая, неудобная, серая, холодная, с угрюмыми неприветливыми людьми, на лица которых натянуты маски крайней озабоченности. Хоть бы одна единственная родная душа жила здесь – тетушка какая, подруга. По большому счету, кроме Олега у нее никого здесь нет. НИКОГО! Задумавшись об этом, она ужаснулась и ей стало страшно. Что она знает об этом человеке? Почти ничего. Несколько месяцев знакомства, из которых личное общение составило от силы три недели. И вот сейчас, почувствовав отчуждение единственного близкого, в этом огромном мегаполисе, человека, она ужаснулась. «Правильно ли я делаю, выходя за него замуж?-думала она.– Ведь с моей стороны нет безумной любви... Только привязанность и то, можно ли так назвать?» Слезы лились и остановить их было невозможно. Олег, стряхнув наконец с себя свою озабоченность, обратил внимание на невесту. Возле Триумфальной Арки на Кутузовском проспекте они вышли из троллейбуса.

–

Что случилось, Лерусик? – взволнованно интересовался Олег.

Лера описала свои страхи, конечно, не упоминая об отсутствии нужных чувств к нему. Накатило, мол, уезжаю от родных в никуда.

–

Ты понимаешь, что я бросаю все, чтобы уехать сюда, к тебе! Более того, я оставляю насиженное место, жилье и переезжаю, чтобы жить с твоими родителями, чужими мне людьми, в одной квартире. И что я вижу: за несколько дней до свадьбы ты уже меня не замечаешь, думая о чем-то своем. А что будет дальше? У меня здесь никого, кроме тебя. Понимаешь?

–

Милая, любимая, единственная, – Олег опустился на колени, сам чуть не плача. – Да если бы я знал, что тебя это может тревожить. А увлекся я своими мыслями, в голове только одно: как больше заработать денег, может, вторую работу найти... Ты все не так

поняла. Да ты у меня всё в этой жизни! Понимаешь? Всё

! Я так счастлив, мне больше никто не нужен. Да я за тебя горой! В обиду никогда не дам! А родители тебя полюбят, вот увидишь...

Он, встав с коленей, покрывал поцелуями соленое, от слез, лицо девушки и шептал:

–

Никому я тебя не дам в обиду, девочка моя, любимая, единственная...

У Леры после этого случая осталось двойственное ощущение. С одной стороны, Олег успокоил ее, да она и сама видела, что любит он ее. С другой – уже тогда она задумалась: не слишком ли поторопилась с принятием решения. Но было уже слишком поздно все менять. Да и не в характере Леры бежать из-под венца.

В апреле сыграли свадьбу и Лера осталась жить в Москве. Уже на самой свадьбе она видела глаза друзей Олега, недоуменно переводящих взгляд с красивой (как потом ей приznался ближайший друг мужа) невесты на «так себе» жениха.

Жить стали со свекрами в двухкомнатной квартире сталинского дома, во двор которого через некоторое время прибыл контейнер с приданным, отправленный Лериными родителями. Полная обстановка однокомнатной квартиры, в которой проживала невеста (теперь уже жена), включая ковры и технику. Благополучно заполнившая комнату молодых и не меняющаяся за все время их совместного проживания.

Благо, комнаты были с отдельными ходами. Свекровь позаботилась о молодой невестке и, покинув маленькую хрущевку со смежными комнатами, предложила поменяться квартирами своей матери, мотивировав:

–

Будет девка постоянно беременеть, ведь через нашу комнату ходить каждый раз в ванную не захочется...

Однако ходить в ванную часто не приходилось. Олег, проявив страстность во времена их несчастных встреч, не успев стать законным мужем, по-деловому предложил молодой супруге:

–

Я считаю, что секс должен быть не каждый день, раза два в неделю, но по полной программе...

Лера только пожала плечами. Очень странным показалась ей эта, своего рода, «договоренность»: мужу-то только двадцать четыре, самый возраст любить друг друга когда захочется, а не по расписанию.

Через два месяца после свадьбы Лера уехала в свой город, сдавать летнюю сессию в университете. Олег всеми силами пытался уговорить перевестись жену в Москву, а когда она отказалась, предложил:

–

Брось свой Алма Матер! Зачем он тебе?

–

Как это брось? – округлила Лера глаза. – Мне осталось всего ничего.

Ей было непонятно, как он вообще мог такое предложить: она отучилась уже почти четыре года.

Во время сессии, летом, она обнаружила, что ждет ребенка. Олег спокойно отреагировал на известие, свекровь же была на седьмом небе от счастья. Не совсем прочувствовав в свое время, что же такое материнство (с Олегом сидели бабушки) из-за постоянных командировок, разъездов и активной партийной деятельности, она решила отыгаться на внуках – самое время.

Свекровь не отличалась особым тактом и Леру воспринимала как бесплатное приложение к Олегу, а сына – как неотъемлемую часть их семьи: отец, мать, сын. Она в упор не хотела видеть, что создана новая семья – Олег и Лера, что их будущие дети – часть уже их семьи. Можно помочь, посоветовать, но не навязывать свое мнение целиком и полностью, не принимая возражений. Но надо было знать Марию Анатольевну...

Активистка и отличница, начиная со школьной скамьи, прошла свой путь, став руководителем крупного отдела на заводе «почтовый ящик», имея подразделения во всех городах Советского Союза. Секретарь партийной организации с большим стажем, свободно входила в приемную к Брежневу. Замуж она вышла сразу же после института за своего одноклассника, а затем и однокурсника: любовь со школьной парты. Покорный и спокойный муж впоследствии стал обычным подкаблучником. Она привыкла всю свою жизнь командовать: сотрудниками, мужем, сыном, а теперь еще и невесткой. Не просто командовать и направлять, но и принимать решения за людей. Но если свёкр и Олег уже привыкли к строгому нраву Марии Анатольевны, то Лера, обладая независимым и строптивым характером, не собиралась. Правда, будучи культурной и сдержанно-вежливой, особенно по отношению к людям старшего возраста, она вначале выслушивала длинные заумные речи своей свекрови без возражений. А той только дай поговорить. Придя с работы, она вызывала Леру на кухню, усаживала за стол и начинала учить и поучать. Нет, все было очень мило, никакого давления. Обычно раздавался стук в дверь и Мария Анатольевна, заглядывая, интересовалась:

–

Лера, ты уже ела? А то пойдем вместе... Или чайку попьем.

И начинались разговоры ни о чем: как надо планировать будущее, как разговаривать с мужем (важные вещи обсуждать во время занятий любовью), как воспитывать еще не родившегося ребенка. Разговоры продолжались часами. Приходил с работы Олег, заглядывал на кухню, а свекровь только махала ему рукой: сейчас, мол, закончим.

Лера сразу поняла, что семья Олега здорово отличается от их семейства, в котором всегда шутили, смеялись, подтрунивали друг над другом. Любили животных и музыку. И жили легко, не заморачиваясь.

Свекры же планировали каждый шаг заранее. Велись сметы учета каждой копейки, начиная от буханки хлеба. Расчерчивались тетрадки и все расходы вносились в нее. Юмора здесь не наблюдалось вовсе. Может, коммунистический настрой сыграл свою роль, а может просто люди такими были, но Лера, будучи жизнерадостной, смешливой, обладая легким характером, с самого начала почувствовала себя не в своей тарелке. Каждое утро начиналось ровно в шесть с новостей партии, на всю громкость вещаемых с радиоточки, висящей на стене в кухне.

Как-то, Лера, бродя по Калининскому проспекту, зашла в музыкальный магазин и купила новую пластинку популярного в то время певца. Надо было видеть каким взглядом обменялись Мария Анатольевна с сыном, когда узнали о покупке... Экономия во всем!

Все было терпимо до тех пор, пока Лера жила в Москве наездами, мотаясь на сессии, а затем, родив сына, осталась у родителей для сдачи диплома. К обсуждению родов (а вернее, местоположению этого важного события) свекровь подошла конкретно. Уже не с улыбкой, а достаточно агрессивно она пыталась Леру:

–

Я не понимаю тебя. Рожать надо там, где муж. Чтобы он с самого начала прочувствовал весь процесс, вставал ночью, пеленал. Что для тебя важнее: чтобы мама молочка принесла в роддом или отношения с мужем?

—

Но я ведь сдаю досрочно экзамены, а потом сразу роды. Я просто не успею ездить туда-сюда. Потом, в июне диплом. Что же я с грудным ребенком поеду сдавать? Первые месяцы мама и бабушка помогут – мне надо заниматься.

Кто мне поможет здесь – вы все работаете? -
пыталась защитить себя Лера.

Но свекровь была неумолима, по жизни не привыкла, чтобы шли против ее воли и это явилось первым камнем преткновения между ними: ее послушались.

На встречу Нового года Лера, на восьмимесячном сроке беременности, прилетела в Москву. Ведь, как встретишь... Хотелось быть вместе с Олегом. Надела новое, специально сшитое для этого события, платье, туфли на каблучке, сделала прическу, подкрасилась – никогда не скажешь, что через месяц рожать. Встречали все вместе. После боя курантов «старики» понимающе удалились к себе. Олег, уже успев набраться до Нового года, прилег... и заснул.

Лера подошла к мужу, пытаясь разбудить его: да где там! Перевернувшись на спину, он громко захрапел, слюна потекла из его рта... Молодая женщина смотрела на его лицо, успевшее стать за это время родным и любимым, и думала: « Совсем не этого я ждала от замужества, совсем не этого...»

И от Новогодней ночи тоже. Слезы сами по себе потекли из глаз и вот так, проплакав, просидела она всю Новогоднюю ночь совсем одна. Олег так и не проснулся уже до утра.

Родился прекрасный мальчик. Олег, узнав об этом, моментально вылетел к жене с большим рюкзаком, в который Марией Анатольевной были упакованы московские разносолы, и встречал ее вместе с родителями при выписке. Казалось, после рождения сына, Лера обрела абсолютное семейное счастье. Она полюбила Олега и, читая записи в дневнике годичной давности, не могла понять своих сомнений на счет нынешнего мужа.

Спустя четыре месяца после защиты диплома, Лера уехала в Москву. Вот тут и посыпались проблемы.

В сентябре начался новый учебный год и Олег, восстановившись в институте, стал каждый день, после работы, посещать лекции. Лера пообещала свекрови (которая сетовала, что женившись, ее сын бросит учиться) что муж получит высшее образование. Олег приходил поздно вечером. На звонок первыми выскакивали «старики», не понимая, что надо дать возможность встретить мужа молодой жене, обменяться поцелуями, а потом, всего через несколько минут, уже можно и самим выйти поприветствовать сына. После первого же звонка с грохотом распахивалась дверь: Мария Анатольевна встречала любимого сына. Наверное так, как привыкла, как это было до его женитьбы. О том, что все изменилось она даже не хотела задумываться. Лера ютилась тут же, в коридоре, у своей двери, выжидая пока новые родственники, наконец, подпустят Олега к ней – не будет же она на глазах у всего честного семейства предаваться ласкам.

—

Ну как дела? – интересовалась свекровь у Олега. – Кушать хочешь? Там я котлетки пожарила. Компот отец только что принес из погреба, твой любимый, клубничный.

—

У меня же ужин готов, Мария Анатольевна, – Лера не понимала, неужели она не помнит себя, эти важные моменты – когда ты встречаешь мужа... У тебя же под боком свой – занимайся им. Зачем лезть? Только хуже делаешь.

—

Мам, мы разберемся, идите спать, – говорил Олег. Мария Анатольевна обиженно поджимала губы и закрывала дверь в свою комнату.

Поначалу Лера пыталась бороться за Олега. Вечером после ужина, она, вперемежку со слезами, жаловалась ему, как устала от докучливой свекрови, которая изводит ее разговорами. Он, в знак утешения, страстно любил ее: что он мог сказать? Зная крутой нрав своей матушки.

Дальше-больше. Свекровь, не задумываясь о том, что молодые могут не только книжки читать в постели, ногой открывала дверь. Несколько раз застав пару во время самых интимных моментов. Постучать... А зачем?

–

П

оставь задвижку какую на дверь, что ли, – просила Лера мужа.

В конечном итоге, после длительных безуспешных просьб, крючок, приделанный ею собственноручно, был выбит «легким движением руки» (или ноги) свекрови, открывшей в очередной раз дверь без стука. На робкое замечание сына, что надо хотя бы создать видимость стука, она беспардонно ответила:

–

Я у себя дома...

Исчерпывающий ответ. С сыном, Мишкой, Олег почти не общался. Уходил утром – ребенок еще спал, приходил вечером – уже спал. В выходные дни родители полностью перехватывали инициативу и тоже освобождали его от обязанностей отца. А он и рад был. Кино, пиво – больше ему ничего не нужно: уставал!

На ноябрьские праздники свекровь устроила молодым поездку в Ленинград, забронировав гостиницу на краю города, относящуюся к их предприятию. Лера была счастлива – они вместе и не ездили еще никуда. Свадьба, беременность, институт. Наконец-то вдвоем вырваться – да еще в Ленинград! Днем бродили по городу, а вечером Олег искал где бы выпить. Леру, бокал никогда не державшую в руках, не волновали злчные места. Более того, она пыталась призвать мужа к разуму: дорого в рестораны ходить, на одну зарплату живем, да еще и маленький ребенок. Но Олег набычился и обиделся. В гостинице, продолжая дуться, не отвечал на ласки молодой женщины, для которой эта поездка явилась своего рода свадебным путешествием. Все чаще и чаще ловила себя на мысли Лера, что тот Олег, которого она знала до свадьбы (а знала ли?) и тот, которого видит сейчас – два разных человека.

Лера все чаще чувствовала от мужа запах алкоголя. Откуда? Из института? Отговорки находились постоянно: день рождения отмечали, друга провожали... Олег приходил уставший, раздраженный, ужинал и шел спать. В один прекрасный день он сказал, что бросил институт. Свекровь заламывала руки и приговаривала, обращаясь к Лере:

–

Я знала, что так и будет! Помнишь, ты мне обещала, что он получит высшее образование! Я так и знала! Ты-то сама закончила, не смотря ни на что!

–

Мария Анатольевна! При чем тут я? Я хотела и закончила, что ему мешает? Нет желания у человека. И брак здесь ни при чем. Он и до этого учился через пень колоду с академическими отпусками.

Но свекровь затаила на невестку еще одну обиду.

Лера очень быстро поняла, что Олег отнюдь не тот человек, с кем она хотела бы пройти до конца жизни рука об руку. Никаких целей, ни к чему не стремящийся, ленивый, привыкший, что мама с папой все сделают за него. С неоправданно завышенным самомнением. Ко всему прочему, он все чаще и чаще стал приходить с работы сильно выпившим. В выходные вырисовывалась одна и та же картинка: Олег на диване у включенного телевизора с пивными бутыл-

ками на табуретке. Периодически выходящий на кухню в поисках еды. Лера, до замужества ведущая активный образ жизни, как могла пыталась призвать супруга к уму-разуму. Тщетно!

Первая искорка разлада прорвалась между ними после празднования Лериного двадцатипятилетия. Собралась молодежь, и после тоста за именинницу, свекры, забрав годовалого Мишку, гордо восседающего в черных брючках и белой рубашке с бабочкой, предоставили квартиру в распоряжение молодых. Народ с бокалами разбрелся по квартире, кто-то курил на лестничной площадке. Когда начались танцы, бывший армейский товарищ Олега пригласил Леру. Свет в комнате был погашен и так получилось, что он не отпустил ее и во время следующего танца. Игорь, как звали приятеля, был женат и у него росла маленькая дочка, чуть старше Мишки. Но это не помешало ему нежно шептать Лере на ушко приятные слова (женщина ведь любит ушами). Она даже не успела понять, как его рот страстно припал к ее губам. Отшатнулась:

—

Игорь, ты что? Олег ведь твой лучший друг! Да и народ вокруг...

—

Леруся, я с ума схожу по тебе. С первого момента, как увидел на свадьбе. Стараюсь инициировать наши совместные встречи – ведь до этого мы с Олегом-то и не встречались практически после армии.

Лера не знала, что и сказать. Игорь нравился ей тоже, что скрывать. Интересный, всегда веселый, энергичный, в отличие от ее, как она уже поняла, молчаливого и угрюмого Олега, у которого язык развязывался только после изрядной порции выпитого.

Инцидент был замят, но ненадолго. В Москву пришла весна, а с ней желание любить и быть любимой. Совсем не так представляла себе любовь Лера. Безусловно, она любила Олега и не собиралась с ним расставаться. Как же, Мишка ведь растет! И Олег любил ее, но по-своему. Как? Не лелея это чувство, а относясь к жене как к своей собственности, данной ему навсегда. Не боясь потерять, зная, что никуда не денется. А зря. Ведь большинство браков распадается именно по этой причине.

А молодой женщине ведь что нужно? Внимание, ласка, теплые слова, огонь в глазах. Но отнюдь не заплывшее (после энного количества выпитого пива) лицо, вонючие носки под диваном, которые супруг забывал (или просто не удосуживался) отнести в грязное белье и все более редкое желание любить свою молодую жену. Именно это и явилось основным поводом для начала разлада: нежелание быть интересным, поддерживать огонь постоянно, как в первый раз, когда он приехал (не поленился, ведь) завоевывать Леру в маленький городок, где она жила до этого.

А Игорь, почувствовав с Лериной стороны слабый, но интерес, напротив активизировался. Звонил, шутил, интересовался и, наконец, пригласил ее... Прогуляться по лесу, ландышей пособирать. Они ехали в электричке, он держал ее руки в своих. В лесу он бросил на землю предусмотрительно захваченное покрывало. Но идея не была хорошей – люди ходят, да и земля еще недостаточно прогрелась... Однако огонь разгорелся и Игорь продолжал его поддерживать. Им инициировались встречи на территории квартиры его родителей, в сауне, на предприятии, где он работал и имел доступ во время выходных. Но никак не получалось у него овладеть желаемой женщиной. Наверное, сказывался страх быть застигнутым врасплох...

—

Ничего не понимаю, – оправдывался молодой здоровый парень перед возбужденной Лерой, – дома стоит как солдат по стойке смирно, а здесь... Наверное, жена что-то сделала, а теперь сидит себе и посмеивается.

Но Лере было не до смеха. Каждый раз ей приходилось придумывать какие-то истории, чтобы отлучиться из дома. Благо, Мишка был на даче со свекрами. А Олег... Один раз, придя с очередного свидания вечером, она застала его в привычном окружении: телевизор, много буты-

лок из-под пива и друг, Леха. Судя по лицам, Лера поняла, что разговор шел о ней. Неужели он догадался? – размышляла она. Ей налили белого вина, и так хорошо пилося холодненькое в жаркий летний день, что Лера не заметила, как опустошила бутылку. Сказалось еще и глубокое чувство вины. Проснулась от необычного ощущения сухости во рту. На часах четыре утра. В квартире никого, кроме батареи пустых бутылок... Мужа не было.

После этого дня Олег, и до этого нечасто баловавший жену страстными сближениями тел, совсем прекратил инициацию исполнения супружеского долга.

Лера по темпераменту относилась к южным женщинам – ей нужен был секс. Рядом храпел молодой муж, а толку никакого: устал, завтра, дай поспать и все в таком духе. Странно, казалось бы, обычно эти отговорки свойственны женщинам. Но увы... Сначала Олег «баловал» чрезвычайно быстрыми сближениями Леру раз в две недели, затем в три, а затем... Она уже и не помнила, как часто, вернее редко.

Начались недомолвки и скандалы по пустякам. Муж и отец был из Олега никудышный. Денег не хватало, часть отдавали свекрам на питание, часть Олег брал себе на мелкие расходы, на остальное он мог пригласить друзей «пивка попить». Лера, неплохо зарабатывавшая до брака и немало путешествующая, не имела ни копейки. Смешно сказать, не на что было колготки теплые купить (Москва, ведь, не юг...) Сделав несколько попыток «челночить» в Польшу, Чехословакию, она поняла, что много не заработать.

Никогда не забудет она ее первую и последнюю попытку вывезти Олега за границу – в Варшаву. Поезд отходил вечером с Белорусского вокзала. Олег в тот день работал. В коридоре стояли наготове два неподъемных баула с товаром. Лера нервничала: все было рассчитано до минуты, электрички от дома до вокзала вечером ходят нечасто... Олега не было. В последний момент в дверь позвонили и Олег нарисовался пьяный в драбадан:

–

Леруся, – язык у него заплетался, – красавица моя, едем!

–

Олег, ты что? Как ты мог? Зачем ты все испортил? Господи! – заламывала руки Лера. – Впервые в жизни собрался за границу и надо так напиться. Ну что за человек?

–

Выпили немного, да, не отрицаю, проводили меня, ну и что? – Олег схватился за ручку одного из баулов, но оторвать от пола неподъемную сумку не смог.

–

Я с тобой не поеду. Позориться?

–

Лерусь, поехали! – лицо Олега стало красным и набычившимся.

Картина маслом на всю жизнь останется перед глазами Леры: Олег волочет баулы к железнодорожной платформе, низко пригнувшись к земле. Такое чувство, что баулы волокут его. Но тем не менее. Еще один рывок уже по платформе Белорусского вокзала к поезду Москва-Варшава, и Лера выдохнула спокойно. Она уже не обращала внимания на заигрывания его с проводницей и постоянные выходы покурить. Сколько же ей нервов стоил этот бросок!

1991 год. В Варшаве русские разбили своеобразный рынок прямо рядом с вокзалом. Чего и кого здесь только не было! Лера выхватывала из толпы интеллигентные лица явно не работяг и торгашей (до чего же довели людей!) Она расстелила на земле заранее принесенные листы бумаги и аккуратно разложила товар: что-то из электроники, детские игрушки и всякую разную дребедень. Она не впервые занималась этим, да и чего стесняться: не ворованное ведь! Олег, напротив, изменился в лице:

–

Я не буду торговать! Я не умею! Пойду похожу, а ты постой!

–

А что тут нужно уметь? – удивилась Лера. – Стой себе и отвечай на вопросы, деньги считай и смотри, чтобы не украли ничего...

–

Ну не умею я, что я скажу: «Мужик, купи кирпич!»? – и он развеселился. Глаза его, как у всех неуравновешенных и нервных людей, немного навывкате, стали вообще вылезать из орбит, отсутствующий подбородок совсем ушел в шею. И так он стал противен Лере в этот момент.

На самом деле сыграло роль его завышенное самомнение, которое прививалось Марией Анатольевной единственному сыну.

–

Мы его не учили торговать, – обиженно говорила она. – Мы воспитывали его честным и справедливым человеком.

–

Меня тоже никто не учил, – парировала Лера, – жизнь заставила.

Но вот товар продан, правдами-неправдами выручено семьдесят долларов (громадная сумма!) Вот тут-то Олег активизировался: надо отцу купить подарок, матери... Деньги потра- тили быстро: тратить – не зарабатывать.

Лера сделала еще несколько попыток заработать: хотелось модное что-то надеть на себя, Олегу купить джинсы-футболки, Мишке какую курточку необычную – в магазинах, ведь, пусто! Тяжелый труд, неподъемные баулы, бессонные ночи в автобусах и страх, что отнимут то небольшое, что везешь на таможне...

И Лера поняла: надо искать работу. Мишке на тот момент не было еще двух лет. Насущ- ный вопрос: с кем оставить? У Олега были две бабушки, которые поначалу охотно менялись друг с другом: ребенок не проблемный. До поры-до времени.

Они познакомились в весьма необычном месте. Валерия, периодически просматривая любимую газету “Московский комсомолец”, как-то наткнулась на объявление: “Проводится отбор девушек до 25 лет, желающих стать фотомоделями, для поездки в Париж”. Адрес, время. На тот момент Лере было двадцать четыре и она, всю жизнь мечтавшая стать моделью, решила попробовать. Реально оценивая свои шансы, вернее их полное отсутствие, она пошла на эту авантюру скорее ради того, чтобы хоть как-то встряхнуться. Приключение, небольшой всплеск адреналина... Беременность, роды, маленький ребенок, отсутствие новых лиц и мало-маль- ского разнообразия в ее жизни. Засиделась!

Необходимо было иметь при себе цельный купальник и туфли на высоком каблуке. У нее даже купальника приличного не было. Но надо знать Леру. Прихватив с собой югослав- ский цельный, когда-то мамин, немного растянутый на животе, в сиренево-голубых разводах, и туфли московской обувной фабрики, купленные в салоне для новобрачных до свадьбы, она помчалась в ДК «Горбунова», на просмотр.

Вот именно там и состоялось ее знакомство с Катей, хорошенькой девушкой восемна- дцати лет. Большие зеленые, немного навывкате, глаза, пышный рот, тонкий, чуть длинноватый носик... Невысокого роста, обычная фигурка – ничего сногшибательного.

–

Ведь фотомодели не обязательно должны быть длинноногими, – как бы в свое оправдание объяснила Катя, когда девушки переодевались в гардеробе после просмотра. – Модель – это лицо. Крем, духи, да все что угодно... Я считаю, у меня лицо подходящее.

Катя мечтала поехать в Париж: она закончила школу с углубленным изучением француз- ского языка и считала, что знание его является большим плюсом для поездки.

Она станет лучшей подругой нашей героини на долгие годы...

А тогда... Лера отстояла длинный хвост очереди. Чего она только не услышала здесь: и что все куплено, и что кандидаты (модели) для Парижа уже отобраны, и что вообще все по благу. Но тем не менее все готовые для подиума девушки (красивые и не очень, худые и в теле, пятнадцатилетние подростки с наивными испуганными глазами оленят и двадцатипятилетние созревшие женщины, уже познавшие что-то в жизни) добровольно и без принуждения, выстояли свою очередь и продефилировали перед заседавшей в большой комнате комиссией взад-вперед. В купальниках и на каблуках. И все, без исключения, получили направление на фотосъемку, для базы данных: ведь надо же дать заработать фотографу!

И действительно, у Леры было время убедиться, что периодически кого-то вызывали без очереди, к кому-то из девушек подходили члены комиссии и, доверительно взяв под ручку, отводили в сторону, шептав на ушко заветные слова, которые каждая из присутствующих здесь мечтала услышать. Одним словом, шла своя игра, – скопление остальных девушек для которой явилось просто фоном. Безусловно, Лера сразу заметила настоящих красоток с роскошными фигурами фотомоделей. Куда уж там остальным?

Но тем не менее, она явилась на съемку, прихватив с собой открытый купальник, купленный еще до свадьбы. Желтый, в маленькое черное сердечко. До рождения Мишки она была в нем очень даже ничего. Сейчас же, рассматривая свои полученные через неделю фотографии, она констатировала: купальник этот очень невыгодно подчеркивает утратившую былую упругость, после кормления ребенка, грудь. Не нужно было его надевать... А что нужно?

На всю жизнь останутся в альбоме несколько черно-белых фотографий: молодая женщина с красивыми глазами и копной непокорных волос. И чуть отвисающей грудью, так некстати выглядывающей из-под купальника с сердечками.

Но вернемся к Кате, коренной москвичке, со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами. Жила она с мамой, в роскошной двухкомнатной квартире, расположенной в писательском доме. Бабушка с дедушкой проживали отдельно. На лето все выезжали на дачу, находящуюся не так далеко от Москвы. Катя закончила престижную школу на Проспекте Мира и сейчас училась на экономиста, заочно.

Впервые попав в ее квартиру, Лера утратила дар речи. Буквально. Что она видела до этого? Однообразные ремонты, одинаковую везде мебель, хрущевки...

Этот дом был построен не для простого люда. И об этом гордо заявлял любопытный консьерж в застекленной будке на первом этаже. Лифт с зеркалом не радовал глаз словами из трех букв. Этажи, на которых вольготно, не теснясь, размещались всего две двери. Ну и сама квартира, прямо скажем, впечатляла. Просторный квадратный коридор со встроенными шкафами. Большая уютная кухня с красивой мебелью и полками, на которых покоилась коллекция изделий из гжели. Темная плита иностранного производства и такая же вытяжка отличали ее от таких привычных нам белых раковин и газовых плит. Сантехника в ванной и туалете тоже была какого-то необычного теплого кофейного оттенка. Не говоря уже о кафеле – синие узоры в виде геометрических цветов на бежевом фоне. Ну и стеклянно-зеркальные полочки с огромным количеством французских кремов, духов и всяких женских штучек. Лера никогда такого не видела, да и сравнивать было не с чем. У подружек, оставшихся в далеком маленьком городке, были такие же хрущевки, как и у ее родителей. А квартира в сталинском доме, где она проживала сейчас с мужем, была большой, но такой неухоженной... Не говоря уже об убогой кухне с ободранными шкафами и ванной, которая не знала ремонта, наверное, с момента постройки дома. Какие уж там полочки с кремами...

В одной из комнат располагалась спальня мамы. Здесь стоял добротный, красного дерева, спальный гарнитур. В гостиной, где жила Катя, витал особый дух. Романтики и старины. Горка, комод и стол, выполненные в старинном стиле, были ажурны и изящны, мягкая мебель укутаны в чехлы пастельных тонов с рассыпанными по ним розами. Не мещанский уют, а особый стиль

завершали занавески и цветы в горшках на специальных подставках. Даже обои в этой комнате были поклеены необычные: шелковые. Из этой комнаты не хотелось уходить.

–

Мама развелась с отцом давно, – рассказывала Катя. – потом у нее был мужчина, мне – как отец. Они не расписывались, жили гражданским браком. Он работал в строительной компании. Он же и купил эту квартиру, сделал ремонт, обставил... Они были вместе лет шесть, я училась в школе рядом с домом бабушки и дедушки, поэтому и оставалась всю неделю с ними. Так было удобно всем.

–

Я обожала этого человека, – продолжала Катя, вздохнув. – Он дал маме все. На руках носил. Цветы – ведрами... Я до сих пор помню, как приезжала на выходные, а в ведрах – розы. Из «Березки» шмотки постоянно маме покупал, да не просто туфельки, а сразу набор: туфли, перчатки, сумочка. И не иначе. А ко всему прочему, как готовил! Такие котлеты, как он жарил, я в жизни больше нигде не пробовала. Он стал моим идеалом мужчины.

–

И куда же он делся? – поинтересовалась Лера.

–

Даже не знаю, как у них все разладилось. У мамы очень сложный характер. Сбега-лись-разбегались, потом у него начались проблемы со здоровьем, мама в больницу к нему ходила, а потом его не стало. Говорят, сильно нервничал из-за мамы. Кто знает сейчас... Мама локти кусала, что не удержала его – мы жили как у бога за пазухой, ни в чем не нуждались. А что сейчас? Мама работает у подруги в коммиссионке, продавцом, я без работы. А мы обе такие «кутихи». Есть деньги – моментально шмотки покупаем, крема разные. Мама постоянно ходит к косметичкам, на массаж – привыкла уже, не может без этого.

Увидела Лера как-то и маму. Полная ухоженная женщина со светло-голубыми «выцветшими» глазами и легким светлым пушком на голове, который с помощью химической завивки представлял подобие короткой стрижки. Шикарно одета, красивые украшения, начальственные нотки хорошо поставленного голоса. Катя явно старалась обходить стороной крутой нрав своей матери.

–

У девочки-косметички руки золотые, пальчики так и бегают по лицу, – все, что услышала в тот вечер Лера от мамы, пришедшей из косметического салона.

Так они и общались наездами друг к другу, периодическими прогулками возле Лериного дома с Мишкой. До тех пор, пока не встал вопрос о работе.

–

У мамы знакомый один фирму открывает свою, ему нужны сотрудники, – сообщила как-то Катя в телефонном разговоре. – Меня берут, хочешь, могу поговорить на счет тебя?

–

Я бы с удовольствием, – обрадовалась Лера, – а что делать нужно?

–

Да ничего особенного.

В те времена, 91-92 годов фирмы и фирмочки появлялись как грибы после дождя. С такой же частотой и закрывались. Или переименовывались. А как только не «обзывали» себя: и Закрытое Акционерное Общество, и Общество с Ограниченной Ответственностью, и Акционерное Общество Закрытого Типа (всех не перечислишь). Периодически название фирмы оставалось, а АОЗТ или ООО менялось. Дабы запудрить всем мозги, в том числе налоговой и остальным инспекциям. Сколько махинаций продумывалось и воплощалось в жизнь. Времена были суровые и безбашенные. И те, у кого были связи, мозги и немного капитала, можно сказать, попали в нужное место и жили в нужное время. Ну, а остальным значит не повезло.

В это время не только москвичи пытались раскрутить бизнес на щедро принимающей и дающей хорошие всходы земле московской. Одним из таких бизнесменов оказался Леонид, приехавший с юга России. В фирме у которого и стали работать Катя с Лерой. Работа – не бей лежачего. Приходили к одиннадцати-двенадцати, уходили в четыре-пять. До сих пор для Леры осталось загадкой, для чего Леонид выплачивал зарплату ей и еще нескольким сотрудникам, ежедневно появляющимся в офисе, недалеко от Театра Советской Армии. Небольшую, но все же деньги...

Не успев появиться в офисе, часам к двенадцати, Катя с Лерой, разложив судочки с едой, принесенные из дома, приступали к трапезе. Поточили лясы, посидели за компьютером, в отчаянии, до зайчиков в глазах, пытаясь попасть по кружочкам в небезызвестном Тэтрис. Вот и время домой отчаливали. Проходя пешком до метро Новослободская, заскакивали во встречающиеся по пути магазины. Как-то, зайдя в один из них, они с удивлением обнаружили, что на полках за стеклом разложены необычные предметы. Вернее, самые обычные, носителями которых является половина населения нашего земного шара: мужские члены. Здесь же девушки впервые для себя увидели фалоимитаторы различных размеров и исполнения. Секс-шоп – вот как назывался этот один из первых открывшихся в Москве магазинов. Катя, по натуре смешливая, прыснула и выскочила на улицу. Лера – за ней следом. До метро у них был повод поохотать. А в этом им не было равных. Лера, не смотря на тяготы семейной жизни, была оптимисткой и обладала прекрасным чувством юмора, который ее и спасал. В лице Кати она нашла достойную соратницу.

Приближался день первой зарплаты. Лера носила сапоги, купленные ею еще до свадьбы, во времена безбедные. Не нужно обладать богатым воображением, чтобы представить, во что они превратились, учитывая московскую зиму. Ей не терпелось поехать на рынок и купить себе новые итальянские сапоги (она даже успела присмотреть их).

Настало время рынков. Купить уже можно было почти все. С рук, у продавцов, которые выстроились вокруг Детского Мира на Лубянке (странное месторасположение, не правда ли?) Наверное, важные люди с Лубянки занимались более интересными делами – старались оказаться в нужном месте. В нужное время они уже жили. Такие же рынки возникали по всей Москве и области. Народ знал, где что нужно искать и где что можно приобрести.

И тут, внезапно, радужные планы Леры были искромсаны не щадящими острыми ножницами Марии Анатольевны.

–

Я считаю, что на твою первую зарплату вы должны купить с Олегом по паре валенок, – утвердительно выложила она за ужином свое единственное и неоспоримое мнение. – Как хорошо: на дачку зимой приехать, валенки надеть и по снежку. Надо покупать белые. Я даже знаю где, присмотрела уже.

Не спросив: какие у вас планы? Зная, что молодая женщина уже почти три года не имела заработка (беременность, учеба, неоплачиваемый декрет). Зная своего сына, у которого особо не разживешься рублем. Мало ли что нужно купить женщине... Да хотя бы новое красивое белье – побаловать себя. Да и вообще: какое ты имеешь право планировать расходы молодой семьи. Валенки! Лера чуть не поперхнулась чаем:

–

Мы ведь на дачу зимой и не ездим, – мягко попыталась возразить она.

–

Вот и будете, как валенки появятся, – сказала свекровь, как припечатала.

Лера не могла понять: как человек, доживший до этого возраста, сам того не подозревая, рушит своему сыну жизнь. Порой у нее создавалось ощущение, что свекровь это делает целенаправленно. Вот и сейчас: какая дача? Лесную дорогу, по которой надо было ехать минут

пятнадцать, зимой никто не чистит от снега. Как и садовое товарищество, где у свекров стоял хозяйственный блок и начавший строиться дом. О чем она говорит? Какие валенки?

А что Олег? Он ведь мог заступиться, сказать: «сами разберемся». Но Олег не хотел вмешиваться и портить отношения с матерью. Сами разберутся, – принял он удобную позицию.

Конечно, надо было знать Леру. Свои кровные и на валенки? Да не в жизнь! В первый же выходной она поехала на рынок и, добавив сэкономленные из челночных поездок доллары, купила итальянские ботфорты.

Приблизительно в это же время произошло еще одно событие, повлекшее за собой окончательный разлад между Лерой и Марией Анатольевной.

Тепло и ласку, которую забыла, когда получала от Олега, она пыталась компенсировать встречами с Игорем. Он к этому моменту снял квартиру, а может просто брал ключи у друга. Но были еще несколько попыток сближения, закончившиеся крахом, и Лера попросила оставить ее в покое, дабы не вызывать подозрения Олега и жены Игоря. На самом деле, ей было неприятно его молодое разгоряченное тело, тискающее ее и не дающее ничего взамен. Солдатик его скорее спал спокойным, мирным сном, чем стоял в полной боевой готовности. Однако Игорь затаил обиду и, по прошествии нескольких месяцев, Лера, выходя из ванной, с намотанным на голову полотенцем, увидела красную от гнева свекровь.

–

Зайди на кухню. – приказала она тоном, не терпящим возражения.

–

Что происходит? – спросила она у Леры, сверля ее глазами, когда за той закрылась дверь. – Ты должна мне все объяснить!

–

А собственно говоря, что случилось? – Лера в последнее время уже не была послушной овечкой и иногда позволяла себе за словом в карман не лезть.

–

Только что мне позвонили и сказали: «Вашей Лере мужчина снимает квартиру и они там встречаются».

–

Мария Анатольевна, – нашлась Лера, – да если бы мне снимали квартиру я бы уже давно здесь не жила...

И ушла сушить волосы. Свекровь не ожидала такого «хамства» и за снохой не побежала. Но Лера поняла, чьих это рук дело. Вот мерзавец! Не хочешь встречаться – получай?

В один из первых новогодних дней девушки совершенно случайно оказались возле красивых дверей старинного особняка на Таганке. Когда-то здесь велась светская жизнь, шуршали нарядными платьями дамы и нетерпеливо цокали копытами кони, впряжённые в кареты... Сейчас здесь тоже толпились дамы, но уже в других целях – здание было в распоряжении салона красоты. Катя хотела придать шраму от операции по удалению аппендицита более эстетичный вид, а Лера отправилась за компанию. И таким же непонятным образом она оказалась в кабинете у врача, на консультации: маленький шрамик, принятый ею за раннюю морщинку на щеке, не давал покоя.

Она попала на прием к мужчине невысокого росточка, что-то около сорока, с пышными вьющимися волосами по плечи и такой же пышной бородкой. Внимательные светлые глаза из-под русских бровей. Осмотрев пациентку и успокоив ее опасения, мужичок-лесовичок, как сразу же окрестила его Лера, перешел к более интересующим его моментам. Располагающим спокойным голосом врач-косметолог стал интересоваться: посещает ли Лера сауну, спортивный зал, замужем ли. Безусловно, на первые два вопроса ответ был «нет». Какая может быть сауна или тренажерный зал? Тогда это только стало входить в моду и стоило немалых денег.

–

У меня знакомая, – продолжал вещать

доктор, – каждую неделю посещает сауну. Ей 45, выглядит не более тридцати. Сауна очищает кожу, выводит токсины. Вам обязательно нужно попробовать.

И вот так, совершенно незаметно для себя, Лера согласилась встретиться с доктором, но уже не в стенах института красоты. Ей нужен был мужчина и Алексей (так его звали) оказался приемлемым вариантом. Он сразу понравился ей, да и само понятие «доктор» внушало доверие: плохого ничего не будет.

Алексей арендовал спортивный зал, раз в неделю. Для занятий карате. Тут же имелась и сауна. Встречи проводились по одной и той же схеме. Он встречал Леру на своей шестерке возле ближайшей к спорткомплексу станции метро, а потом там же и высаживал. Только секс, ничего более. Без взаимных претензий и обязательств. По обоюдному желанию.

Он никогда никуда не приглашал Леру, а ей это и не надо было. Она и так постоянно пыталась найти какие-то оправдания за свои поздние приходы с работы или отлучки в выходной день. Хотя, чего уж там, периодически маленький червячок точил ее изнутри: мог бы для приличия куда-нибудь вывести. Лера понимала, что она его полностью устраивает: моложе на двенадцать лет, замужем, тратиться не надо, претензий никаких. И еще она понимала, что у него есть и другие женщины: для выхода в свет.

Обычно их встречи предварялись телефонным звонком Алексея и кодовыми словами:

– Есть желание встретиться?

Поначалу Лере было забавно. Сауна, разгоряченные липкие тела, совместное принятие душа. Периодически, местом их встреч являлась «шестерка» Алексея, сидения которой для удобства были покрыты белыми шкурами, а пол со стороны пассажира предварительно застелен газеткой, что Леру страшно бесило. И о чем она как-то высказалась герою-любовнику.

–

Машина – мой второй дом, – объяснил доктор. Он жил в маленькой квартире с мамой и ротвейлером. Где-то в другой семье воспитывался его сын от первого брака, – должен же я поддерживать чистоту в ней. Коврики устанешь намывать, грязь видишь какая на улице, а так – газетку свернул, выбросил и все.

Алексей уверенно вел машину в Бауманский лесопарк, расположенный недалеко от своего дома, останавливался на одной из темных аллей и под покровом ночи делал свое нехитрое дело на заднем сиденье белой «шестерки». Затем высаживал Леру около ближайшей станции метро, даже не утруждая себя довезти ее до дома.

–

Тебе же все равно по прямой, – имел он в виду Белорусский вокзал, с которого Лера потом добиралась электричкой,

– а мне такие крюки накручивать по всей Москве! Не все ли равно, в машине или в метро? А я уже возле своего дома.

–

Нет, не все равно, – как-то ответила Лера.

–

Ты что, на принцип идешь? Зачем тебе это? Мы прекрасно проводим время вместе!

Тогда Лера промолчала. Она прекрасно понимала, что Алексей совсем никак не относится к ней. Просто использует подвернувшееся молодое ее тело по назначению. Девочка для сауны. В отличие от проститутки, чистая и порядочная. Об этом открыто заявил яркий инцидент, произошедший как-то в сауне.

Начав испытывать к Алексею нечто большее, чем просто необходимость в кусочке восстановившей плоти, проникающей в нее, она захотела полного сближения тел в нормальной позиции: мужчина сверху-женщина снизу. До сих пор это было как угодно, но только не в постели. А она просто захотела почувствовать прикосновение его груди к своей, обнять его, погладить

по пушистым волосам, так притягивающим ее... И не где-то, стоя под струями или сидя на стуле, а по-домашнему, на кровати. В данном случае, на деревянном топчане. И что же она получила? Поначалу Алексей был очень удивлен просьбе. Затем, расположившись на скамье в комнате отдыха, он с таким опасением пристроился сверху, как будто Лера была прокаженная. Особенно обидел ее момент, когда она, обвинив его ногу своими конечностями, и попытавшись притронуться ступней к пальцам его ноги, почувствовала, что Алексей отдернулся, как ошпаренный.

–

Я врач, – он понял, что переборщил и попытался исправить ситуацию, – ты даже не можешь себе представить, сколько вокруг кожных заболеваний и инфекции. Это у меня чисто автоматически.

Постепенно червь внутри Леры становился смелее и она понимала, что надо заканчивать эти унижительные для нее встречи.

Последней каплей не заставила себя ждать долго. Пришла весна. Темнеть стало поздно, сауна по каким-то причинам была закрыта и, во время очередного свидания, герой-любовник «осмелился» повезти Леру к себе в гараж. Действительно, где же еще встречаться? Больше мест не было. Предварительно не забыв предупредить молодую женщину о том, что необходимо соблюсти конспирацию. Не дай бог сторож увидит, что Алексей приехал не один, а с пассажиркой на переднем сиденье. Что он может подумать! Ему ведь больше думать не о ком, как только об Алексее. Лера не стала ничего говорить: скандалов ей хватало дома. Не для этого она встречается с ним, чтобы выяснять отношения. Хотя, какие уж тут отношения? Но для себя она все решила в тот же день. Когда «шестерка» подъезжала в ворота гаражного кооператива, доктор коротко приказал:

–

Ложись!

Лера немного сползла с сиденья. Но как же ей хотелось в этот момент выйти из машины и уйти в никуда. А Алексей, без угрызений совести, не понимая или просто не желая понимать, что только что грубо унижил женщину, быстро удовлетворил свои незамысловатые физиологические потребности, как маленькая собачка пристроившись сзади и нагнув ее к корпусу своей гордости, своего второго дома – белого Жигуля шестой модели.

«Да что же это за наказание такое, за что, за какие грехи тяжкие я, замужняя молодая симпатичная женщина должна подвергаться таким унижениям, чувствуя себя проституткой. Только ради того, чтобы удовлетворить нормальные физиологические потребности, который должен выполнять муж, – думала Лера, отъезжая в электричке от Белорусского вокзала и глядя на обычную суету, происходящую ежеминутно на платформе. – Конечно, никто никому ничего не должен. Да и обязанностью это тоже назвать нельзя. Какая это обязанность – выполнение супружеского долга? Но тем не менее, не зря ведь так называли. Значит, существует какой-то долг супругов по отношению друг к другу...»

С Олегом все становилось только хуже. Он был груб, раздражителен и Лера забыла, когда он в последний раз пришел домой трезвым. Сейчас она уже знала наверняка: жить в дальнейшем они вместе не смогут. Ей неприятно было смотреть как на его налившиеся кровью, бычьими глазами, когда он являлся вечером после работы, так и на пустой, отсутствующий взгляд в выходные дни, когда он был дома и старался не пить. В них зажигалась какая-то искорка только тогда, когда дело касалось еды или просмотра очередного сериала. Лера знала, что развод – это вопрос времени. Она слабо представляла себе, как будет жить одна, с ребенком, в чужом городе, без средств к существованию – ведь этого больше всего боится женщина при разводе.

Неопределенности. Безусловно, если бы у нее была квартира, временной фактор этого события был бы сильно сокращен.

Периодические беседы с Олегом во время его подвыпивше-любвеобильном состоянии, никогда ни к чему не приводили. Он падал ниц, целовал ее руки, признавался в любви и нес весь тот сентиментальный бред, который горodyт пьяные мужья.

–

Олег, ты понимаешь, что так не может больше продолжаться? – обычно начинала Лера.

–

Да, понимаю, – отвечал он, опустив глаза в пол.

–

Если мы хотим сохранить семью, надо что-то предпринимать. Первое, что мы должны сделать – съехать от родителей, снять какое-то жилье. Пусть оно будет даже хуже. Мы

сможем начать новую, самостоятельную жизнь. Ведь этого нам не хватает! – продолжала Лера. – Если так пойдет дальше, развода нам не миновать.

–

Я не хочу разводиться, Леруня! – в глазах Олега в этот момент появлялись слезы. – Я люблю тебя! Да и где я такую найду, где я глаза такие найду?

–

Олег, пойми, я тоже не хочу с тобой разводиться. Я тоже люблю тебя и у нас Мишка. Мы могли бы прекрасно жить, но нам обязательно н

ужно разъехаться с родителями, – все это было правдой. Лера в то время свято верила, что лучше всего попытаться сохранить брак любой ценой – у ребенка ведь должен быть отец. То, что такие браки лучше не сохранять, а рубить на корню, она поняла гораздо позже.

–

Да-да. Я все понимаю, – к этому моменту Олег обычно стоял на коленях и обнимал Леру за бедра, – я готов, ищи варианты.

Беседы такого рода происходили с завидной периодичностью, варианты не так легко было найти и все забывалось до следующего раза. Но однажды, гуляя с Мишкой во дворе, Лера совершенно случайно, услышала разговор, что недалеко сдается квартира. Недорого. Записав номер телефона, вечером она поделилась радостью с Олегом, который сделал вид, что не понимает, о чем идет речь.

–

Какая квартира, Лера? – выпучил он свои глаза. – О чем ты? Да у нас двух зарплат не хватит на ее оплату. А на что жить, питаться?

–

Олег, ты не понял. Квартира недорогая.

–

Зачем нам снимать что-то и тратить лишние деньги? Я у себя дома и меня здесь все устраивает, – был ответ.

Конечно, ему было все равно. С родителями он практически и не сталкивался, приходя поздно вечером и, наскоро поужинав, уходя спать. Он боялся трудностей, связанных с ответственностью. А сейчас обязанностей у него не было вовсе: холодильник всегда полон, квартира оплачена, ребенок присмотрен. Надо заметить, что молодые оплачивали часть коммунальных услуг и давали какие-то деньги на питание, но все равно Олег знал, что в любом случае мама с папой позаботятся обо всем. Даже если он потратит всю зарплату на выпивку и друзей, с голоду умереть не дадут. А вот если жить отдельно – это совсем другая ситуация, и он, инфантильный и не приспособленный к жизни, не желающий никаких отклонений от постоянства, с которым он существовал и которое его устраивало, не собирался переходить на новый уровень. Даже ради своей семьи. Впрочем, считал ли он Леру с Мишкой своей семьей или же Мария Анато-

льевна так внушила ему свои постулаты, что он жил прежним составом: мама, папа, Олег и где-то там Лера. Ну и Мишка, которого он, наверное, любил. Любовью странною...

Шли дни, недели, месяцы... Каждый день был похож на предыдущий. Электричка-метро-работа-метро-электричка. Неприветливые насупленные лица свекров, кухня, нежные объятия Мишки на ночь (единственная радость) и нервное ожидание звонка в дверь: в каком сегодня состоянии явится Олег? Когда в комнате гасился свет, можно было вздохнуть спокойно: обошлось без скандалов и выяснений отношений. День закончен. Можно заснуть. До завтра. А что будет завтра?

Однажды окончательная стадия дня превзошла свои ожидания. Муж явился домой в таком состоянии, в каком Лера давно его не видела. Шатаясь, и будучи не в состоянии снять ботинки, он завалился в комнату. Свекровь тоже вылезла в коридор.

—

Посмотрите на него! Сколько это может продолжаться?
? – Лера, если бы могла, вытолкнула бы его за дверь сейчас же. В грязных ботинках, на ковер, где Мишка любил уютно расположиться и играть в свои нехитрые детские игры. – Мария Анатольевна, скажите Вы ему, может он хоть Вас послушает! Я не могу больше!

Свекры зашли в комнату и стали стаскивать ботинки с ног своего пьяного сына, успешного развалиться на расстеленной кровати. Тут Олега стало выворачивать прямо в постель. Лера вышла, не забыв сказать.

—

Я не собираюсь убирать за этой свиньей. Завтра же под аю на развод, – через стеклянную дверь кухни она видела, как родители выносят белье с остатками ужина своего сына в ванную.

—

На следующий день она отправилась в суд и подала документы на развод.

И вот тут началось полное преображение Олега. Он почти перестал пить, стал шелковым и, придя как-то после работы домой, радостно сообщил:

—

Леруня, у меня новость для тебя! Я сегодня ходил к нашему шефу, – такой, полный воодушевления голос, Лера последний раз слышала в самом начале их совместной жизни, – и как-то разговор зашел о квартире, о наших условиях. Он знает, что мы стоим на очереди. Но стоять можно долго... Так вот, он направил меня на работу к главному

, ответственному

за распределение кооперативных квартир, в мэрии. Он дачу строит где-то на Можайке. Вот я и буду ездить, помогать. Глядишь, дело сдвинется с мертвой точки.

—

Здорово! – обрадовалась Лера.

—

Я сделаю все, чтобы ты изменила свое мнение обо мне. И, пожалуйста, забери заявление, – попросил Олег. – Ты не узнаешь меня.

Через некоторое время Лера забрала документы из суда.

К этому времени она уже не работала с девочкой Катей. Фирма накрылась медным тазом, как и следовало ожидать. Сотрудники разбрелись кто куда. Бывший директор порекомендовал Леру своему другу, тоже открывшему фирму. Чем занимались, как назывались? Все это не имеет значения. Впоследствии ее постигнет та же участь. Но теперь к рутине электричка-метро прибавился еще и трамвай от Сокольников. Дорога занимала много времени, но Лере, не

коренной москвичке, выбирать не приходилось. У нее не было знакомых, которые могли бы помочь ей с работой, и она любезно приняла предложение друга бывшего шефа.

Под фирму снималась двухкомнатная квартира на первом этаже жилого дома, одну из комнат которой занимал босс, в другой располагались сотрудники. Шефом был мужчина среднего возраста, роста и телосложения. С водянистыми глазами и весьма облысевшим черепом, на макушку которого он зачесывал то немного, что осталось с боков. При произнесении его фамилии в воображении сразу всплывало нечто ужино-змеиное. Да и глаза его напоминали удава: вроде с хитринкой, но тяжелый гипнотизирующий взгляд. Тут же имелась и жена: симпатичная, верткая, энергичная брюнетка. Она появлялась изредка, оставляя за собой ауру жизнерадостности и смеха, что являлось полной противоположностью характера ее мужа. Пара приехала из Молдавии для создания большого бизнеса. Ну, а где благодатная почва для любого бизнеса? Все дороги ведут в Москву! Вот они и решили попытать счастья.

Через какое-то время после поступления Леры на работу, кажущееся счастье семьи Гадюкиных (так мы их будем именовать) начало медленно, но верно раскачиваться. Жена, симпатичная молдаванка, загуляла. Вернее, она почти нашла замену своему занудному мужу. А у него даже голос был тягуче-монотонным: говорил, как будто жилы вытягивал из себя. Перемены заметил весь состав фирмы. Сначала веселый смех жены был слышен в квартире-офисе все реже, а затем и вовсе смолк. Шеф ходил понурый, телефоны в квартире тоже перестали быть активными. Бизнес стал идти плохо. Пошли разговоры о сокращении штата. А какой там штат? Три с половиной человека. И не смотря на то, что Лера не особо цеплялась за эту работу, следующая ее за углом не ждала, и очередь работодателей не стояла по ее душу. У нее все еще оставался страх, что она не сможет найти работу сама, без протекции. Компьютеризация, мощно охватившая пространства достойных офисов в то время, обошла ее стороной – у Леры в тот момент была задана своя программа: вынашивала, рожала, сидела. Основы, безусловно, преподавались у них в университете. Но какая теория без практики, которой у нее не было? И без которой очень неохотно принимали в солидные фирмы.

Настроение в фирме у всех было натянутым: каждый день как последний. И вот пробил час, когда босс-Гадюкин вошел в офис и заявил, что с завтрашнего дня один из сотрудников будет уволен. Кто? Он сегодня решит и объявит. Все «поджали хвосты» и ждали ответственного момента. Каждый был вызван «на ковер» с целью разговора. Уволили одну женщину, чуть старше Леры. Но все знали, что на этом точку ставить нельзя. Кто будет следующим?

Лера уже давно заметила, что Гадюкин, не смотря на любовь к своей изменщице-жене, поглядывает на нее с неизменным мужским интересом. В один прекрасный морозный день, она, опаздывая на работу, бежала с трамвая. Гадюкин шел на встречу. И тут, при дневном освещении, а не в стенах темного офиса, он рассмотрел, что сотрудница его, оказывается, очень красива: зеленые глаза блестят из-под дугообразных черных бровей, щеки покраснелись от мороза, пепельные шелковые волосы, выпавшие из-под капюшона, рассыпались по спине. Фигурку точеную-стройную подчеркивает дубленка в обтяжку. И не смог он даже пожуричь ее за опоздание в этот момент. Просто улыбнулся и промолвил:

–

Лера, мне нужно с тобой поговорить. Но не в офисе. Ты можешь зайти сегодня в тринадцатую квартиру, скажем в три часа дня? – продолжил он, не обращая внимания на удивленный взгляд молодой женщины.

Лера пожала плечами неуверенно:

–

Хорошо...

–

Вот и здорово. Не забудь только!

Придя в офис, Лера поделилась произошедшим событием с Людой, работающей здесь значительно дольше. Она была гораздо старше, умнее и мудрее.

–

Ну что, девка, тебе сказать..., – начала Люда, – готовься.

–

К чему? – наивно поинтересовалась Лера.

–

Ну не к чаепитию уж точно, – усмехнулась Люда.

–

Ты что, думаешь..., – она не договорила, подразумевая то, что в данном случае у обоих было на уме.

–

А что он не мужик, что ли?

–

Но он ведь обожает свою жену, смотри похудел как, подурнел. Не следит совсем за собой.

–

Ой, Лерка, мужики все одинаковые, – вздохнула Люда. – Кобели! А что ему мешает продолжать любить ее и трахнуть тебя?

–

Я не собираюсь с ним, ты что?

– округлились глаза у Леры.

–

Я тебе вот что скажу. Подумай, прежде чем принимать решение. Ты хочешь остаться на этой работе?

Лера неуверенно пожала плечами, что означало: ну, вроде.

–

Так дай ему! – припечатала Люда. – От тебя не убудет. Но тогда он тебя точно не сократит.

–

Он мне противен, если честно.

–

Смотри сама, иначе следующей будешь ты.

В три часа дня Лера звонила в дверь квартиры номер 13. Гадюкин моментально распахнул ее: создалось чувство, что он стоял по ту сторону и ждал. Нервно осмотрел лестничную клетку: нет ли кого.

–

Пришла... Заходи, Лерочка! Я так рад..., – глаза его светились.

Квартира была убогой, практически без мебели. Гадюкин подошел к окну и стал говорить. Он что-то рассказывал: о себе, жене, детях... Как исповедовался. Лера слушала его вполуха и пыталась понять, что она здесь делает. Босс говорил много и долго, и постепенно Лера поняла, что ее старшая подруга, наверное, ошиблась в своих догадках: ему просто надо было выговориться. И слушателем он почему-то выбрал ее, Леру. В этот момент диалог его достиг своего апогея:

–

Вот чего ей не хватает, чего? – обычно монотонный бубнящий голос Гадюкина приобрел зычные нотки, – никто никогда ее так не будет любить, как я. Да мы столько прошли вместе, чтобы приехать в Москву, достичь здесь чего-то. А дети? – и в этот момент он заплакал. Обычными, совсем не начальственными, слезами. – Я ее так люблю, жизни не представляю без нее, да и не нужна мне эта жизнь. Мне детей жалко.

Лера совершенно произвольно сделала то, что совершил бы каждый человек по отношению к рыдающему: мужчине ли, женщине. Она подошла к Гадюкину и дотронувшись до его плеча, произнесла:

–

Ну не надо... Все наладится, все будет хорошо, вот увидите! В жизни все бывает, у вас ведь дети, куда она уйдет?

Но ее жалостливое настроение Гадюкин истолковал совершенно неверно. Он, продолжая всхлипывать, но уже успокаиваясь, как-то конвульсивно принялся копошиться с ширинкой своих штанов, расстегивая их. На свет появился большой набухший предмет мужской гордости.

–

Возьми его! – полупросяще-полуповелительно сказал шеф. – Пожалуйста!

–

Что Вы... – Лера попыталась призвать его к совести, но ей не дали договорить.

–

Да ладно, чего ты. Ведь знала, зачем идешь! Приласкай его, – Гадюкин пытался передать свой жезл, как эстафетную палочку, Лере в руку.

У молодой женщины в голове творилось нечто невообразимое. Никогда ее еще так не унижали. Всплывали советы Люды, перспектива остаться на улице даже без тех грошей, которые она зарабатывала, и неприятное чувство по отношению к боссу. Инстинктивно, она взялась за восставшую плоть Гадюкина.

–

Опустись на колени, Лерочка! Пожалуйста, поцелуй его! – умолял он с придыханием.

Опуститься-то Лера опустилась, но моментально вскочила: да за кого он ее принимает! Нашел себе бесплатную девочку по вызову! Что он себе позволяет! И она, развернувшись, вышла из квартиры.

Позже, выражение «тринадцатая квартира» долго являлось поводом для смеха и шуток между Лерой и Людмилой, а тогда... Через некоторое время, не сразу, бизнесмен Гадюкин, приехавший из Кишинева покорять столицу, уволил Леру. За несговорчивость, наверное. Хотя, как знать, быть может та же участь постигла бы ее, будь она менее строптивой.

Прошел год.

Олег все лето ездил работать на строительство коттеджа уважаемого человека из мэрии, и молодым выделили квартиру в строящемся кооперативе. В новом микрорайоне Митино. Правда, никто не оглашал точных сроков сдачи дома, но все же какой-то лучик в конце беспросветного темного тоннеля забрезжил. Не могут ведь дом десятилетиями строить!

В те годы очень популярным изданием являлась газета «Из рук в руки». Здесь можно было купить-продать, найти работу, отдать что-то в хорошие руки и даже познакомиться. Интернета тогда не было и москвичи охотно давали объявления в надежде заполучить желаемое или сбавить ненужное. Сюда Лера и дала объявление о поисках места работы – после того, как была уволена кишиневским бизнесменом. Объявление было составлено грамотно. Ничего лишнего, никаких фраз типа «интим не предлагать», которыми пестрели столбцы представительниц слабого пола. Все по делу: возраст, профессиональные навыки, опыт работы. Звонки посыпались сразу, и женщина поняла: как же она ошибалась, боясь быть уволенной Гадюкиным. Безусловно, многие были отсеяны за ненадобностью, некоторые офисы Лера посетила. В один из них ее приняли.

Секретарем, коих было у шефа двое и которые чередовались посменно. Одна – с утра, вторая – после обеда. Приличный офис, солидное руководство, все путем. Зарплата – не бог весть какая, но персонал кормили завтраками-обедами и даже ужинами, для припозднившихся

в офисе (если оставалось что-то с обеда). Пустячок, а приятно. Не надо тратиться и думать о хлебе насущном.

С Олегом было сносно. По крайней мере он всю пытался вновь завоевать любовь и доверие Леры. А постель продолжала оставаться холодной: устал, не могу, давай как-нибудь потом. Молодая жена пыталась и так, и этак, в ход пускались любые ухищрения – тщетно. Лера пыталась сделать какие-то попытки, разобраться в происходящем.

–

Олег, если тебя что-то тревожит
, – шептала она в темноте после очередного краха сближения, – скажи мне. Не таи в себе. Я твоя жена и люблю тебя. Мы вместе будем решать эту проблему. Пойдем к сексопатологу – у меня есть знакомый, мы в электричке познакомились. Он мне свою визитку дал.

–

У меня все в порядке, – Олег на разговор не шел и твердил одно и то же.

–

Но так не может продолжаться, если мы хотим дальше жить вместе. Мы же не доживаем свой век, а только начинаем... Ты понимаешь это?

–

Да.

–

Так давай же что-то предпримем. Сама по себе проблема не решится. Сколько мы уже не спим вместе? Чем дальше – тем тяжелее будет.

–

Все будет нормально.

–

Да что же нормально, Олег? Почему ты обо мне не подумаешь?

Но Олег всячески увиливал от исполнения супружеского долга. Фраза «супружеский долг» – хуже не придумаешь, отдает социализмом и обязательствами. Как занятия любовью можно назвать долгом? Любовь ли, долг ли, как хотите назовите, но Лера тихо сходила с ума без мужчины. Что она только не придумывала, чтобы распалить страсть в Олеге: начинала гладить и целовать его, когда он засыпал, ласкала себя, издавая томные звуки. Обычно муж вскакивал и, вытаращив глаза, кричал:

–

У тебя не все в порядке с головой.

–

У меня-то как раз все в порядке, – Лера понимала, что все без толку. Она только унижает себя этими действиями. И прекратила инициативу вовсе.

Любимым местом ее уединения стала ванная комната. Забравшись с ногами на стиральную машину, она ласкала себя, гладила по животу, груди, опускаясь все ниже и, наконец, добравшись до самой чувствительной точки, замирала от напряжения: оттянуть момент как можно дольше. А затем – спасительные волны растекались по всему телу: от кончиков пальцев ног до мозга.

Несколько раз с ней познакомились мужчины: в транспорте, на улице. Только один из них задел тонкие струнки ее души. Интересный брюнет до тридцати, атлетического телосложения. Женат. Они встретились несколько раз, погуляли по Москве и даже забрели на какую-то выставку в Манеж. Для предварительного, более глубокого знакомства. Не сразу же в койку лезть? Хотя и ежу ясно, для чего эти двое завели знакомство. Изучив внутренний духовный мир друг друга в течение этих нескольких встреч, дело встало за главным: где осуществить

знакомство более близкое? Места для уединения нет: у него дома жена, у Леры – полна коробочка. Саша, как звали потенциального любовника, решил проблему по-своему.

В сырой зимний день Лера с Сашей отчалили от одного из московских вокзалов, сидя в электричке друг напротив друга. Ситуация была неприятна им обоим. Саша, понимая весь абсурд происходящего, держал Лерины руки в своих:

–

Ты не представляешь, как я хочу тебя, Лерочка! Ну что делать, если нет места. Давай только разочек попробуем таким образом, а потом я что-нибудь придумаю.

Лера молчала, внутри ее раздирали противоречия. «Ну почему, почему я должна оказываться в таких унижительных ситуациях? – размышляла она. – С врачом, сейчас вот опять. Чувствовать себя падшей женщиной, изменщицей. Только потому, что у Олега что-то переключило. Мне ведь всего двадцать восемь, а что будет дальше?»

Выйдя на серой безликой платформе Перловка, они двинулись по направлению к одинаковым, как близнецы, домам, располагающимся неподалеку от станции. Молча поднялись на этаж и зашли в квартиру, с замком которой Саша справился не без труда. Фраза «взять ноги в руки» как нельзя лучше описывала Лерино состояние. И бежать без оглядки. Такого убожества она не видела никогда в своей жизни. Абсолютно ясно было, что квартира сдается для таких именно встреч: повсюду стройными рядами стояли пустые бутылки, свидетельствующие о том, что приходящие сюда сначала напиваются, а потом занимаются тем, ради чего здесь и появились Лера с Сашей. Бутылки занимали и половину комнаты, интерьер которой составляла кровать дореволюционного производства, застеленная чем-то несвежим, и маленький кресло-диванчик. Настоящий притон. Саша, по всей видимости, тоже ожидал чего-то более приличного.

–

Лерунь, извини меня, что не смог привести тебя в более достойное место, но мне сказали, что здесь очень прилично, – сказал он в свое оправдание, – хотя чего можно было ожидать. Квартира сдается на два-три часа. Сколько же она людей принимает...

–

Давай уедем отсюда, – произнесла наконец Лера. – Я не смогу здесь...

–

Да-да, я понимаю, сейчас уедем, – Саша обнимал Леру. – Раз уж приехали, давай просто побудем вместе. На час квартира наша.

Лера стояла у окна и ей хотелось рыдать. Внизу проезжали машины, люди торопились побыстрее прийти домой и расположиться на уютной кухне. Еще один короткий зимний день молодой женщины уходил, оставляя за собой разочарование. Перед ее глазами всплыл образ Олега, в общем-то неплохого человека, пытающегося, по крайней мере, сохранить семью; маленького Мишки, которого ей сейчас так захотелось прижать к себе и почувствовать запах его пшеничных волосиков. «Что я здесь делаю? – отвращение переполняло Леру. – В этом притоне, куда вводят дешевых шлюх, вливают в них алкоголь, а потом трахают, кто во что горазд. У меня есть семья, дом. Что я здесь делаю, что меня занесло сюда?» Внезапно взгляд ее упал на Сашу, на колених которого она сидела. «Ах да! Желание, неумемная страсть, сексуальное бешенство, которое мне необходимо удовлетворить. Но почему так? Неужели нельзя как-то иначе?»

Саша тем временем покрывал ее поцелуями.

–

Саша, давай уедем! – повторяла Лера. – Нет сил здесь оставаться.

–

Да-да, милая, сейчас, – он продолжал целовать ее, медленно опускаясь на колени.

И вот он уже без рубашки. Леры не могла оторвать взгляд от торса, такого накачанного, мужественного. В другую сторону полетели его джинсы.

–

У меня нет сил ждать еще. Я хочу увидеть
, целовать тебя всю, – шептал он.

Быстро расстелив свои вещи на кровати-революционерке, он схватил Леру на руки и бережно уложил сверху, одновременно доставая свою набухшую плоть... Наверное, не только мужчина должен быть готов к бою в совокуплении. В данном случае, Лера, под впечатлением своих грустных мыслей, не смогла раскрыться для слияния с сексуально заинтересовавшим ее партнером. Было больно и неприятно, как в первый раз... Ничего не вышло. Назад ехали опять молча.

Саша, не смотря на конфуз, продолжал Лере позванивать – как же еще общаться-то? До встреч дело не доходило: то у него появились непредвиденные обстоятельства, то у нее не было времени. И вот, в один из выходных дней, когда Олег с Лерой, в прекрасном расположении духа, сидели на кухне и о чем-то беседовали, зазвонил телефон. Трубку взял Олег.

–

А кто ее спрашивает? – услышала Лера и, по налившимся кровью глазам Олега, сразу поняла, кто ей звонит.

–

Слышь ты, знакомый, еще раз позвонишь – костей потом не соберешь, понял? Ты меня понял? – заорал Олег, сделав паузу и перебивая сбивчивую речь Саши, который пытался, по всей видимости, что-то объяснить.

Нетрудно догадаться, что потом произошло на кухне. Олег орал, матерясь на чем свет стоит и топая ногами; Лера, как могла, пыталась что-то объяснить, смягчить ситуацию. Закончилось все взаимными слезами.

–

Не звони мне больше, – сказала она Саше, когда он в очередной раз попытался связаться с ней. – Ты мне чуть семью не разрушил. Ты что, не мог просто повесить трубку? Знаешь ведь, что я замужем.

А Олег опять стал пить. Правильно говорят в народе: «Мужик должен быть постоянно чем-то занят, ему надо находить дело». Во время работ в выходные дни на благо получения жилья, у него просто физически не было времени на выпивку. Будние – одна работа, выходные – другая. Прийти, поесть, лечь спать.

И Лера решила испробовать еще один шанс. Заговор. Сарафанное радио принесло ей адрес нужной женщины в подмосковной деревне, которая якобы делает отворот алкоголиков от выпивки. «Еду, – решила Лера. – Терять нечего! А может и вправду поможет! Хуже не будет!» Когда человек отчаивается, он хватается за любую спасительную соломинку.

Не хотела она терять Олега, не смотря ни на что. Характер плохой? А где можно найти лучшего? Каждый со своим... «Он добрый, – уговаривала она себя, – квартира будет, съедом от родителей, глядишь более ответственным станет. Глава семейства. И денег особо на выпивку не будет – обставить надо, ремонт сделать. Свое ведь!» Так размышляла она, глядя в окно электрички, уносящей ее к бабке-гадалке.

Приехать нужно было ни свет, ни заря. Очередь стояла нешуточная. В дом сразу всех желающих не впускали, и женщины, – а здесь были только они, – сидели на лавочках во дворе. Вызывали по несколько человек и, не смотря на то, что Лера приехала очень рано, попала к гадалке она только к полудню. Уж чего она не наслушалась в очереди! Ее проблема казалась такой смешной и пустяковой по сравнению с остальными. Сколько людей, столько бед. И болезни приходили исцелять неисцелимые, и мужа привораживать, который ушел из семьи и оставил мал-мала-меньше. Всего не упомянешь.

Лера предусмотрительно взяла с собой бутылку водки и майку Олега, как ей было наказано. Женщина средних лет что-то посмотрела на воде, предварительно положив туда камушки, через которые Лера передала свою энергию. Что-то пошептала, прочитала молитву, проколола Лере палец иглой, уронила капельку ее крови в бутылку с водкой и наказала, что делать со всем этим добром. Назад наша героиня ехала в хорошем расположении духа и полной уверенности, что Олег допивает свою последнюю в жизни бутылку водки. Свекровь, заранее осведомленная о поездке, встречала дома с вопросами. Лера все рассказала, настрого предупредив о том, что делать и чего делать нельзя.

Вероятно, Олег к заговорам и молитвам был стоек: не действовали они на него. Надо отдать должное, впервые выпив из этой бутылки, он все отдал назад. Так, в принципе, и было предусмотрено гадалкой. Водка должна была выходить сразу же после выпивки и таким способом вызвать отвращение пьющего раз и навсегда. А потом все вернулось на круги своя. Остальная часть жидкого горючего была уничтожена без вреда для здоровья. Съездила Лера и во второй раз в подмосковную деревню. С новой бутылкой. Была принята как своя, без очереди и ожидания. Не принес заговор результата, и у Леры в отношении Олега опустились руки.

Приблизительно в это же время у нее начинается роман с лучшим другом мужа, Антоном.. Он давно нравился Лере, еще до свадьбы. Интересный брюнет с жесткими мужскими чертами лица, высокий, хорошо сложенный. В очках, которые делали его красивые карие глаза немного детскими, растерянными. Несколько лет он служил в армии в качестве офицера, после института, даже на свадьбу не смог вырваться к ним. И вот только недавно вернулся. Ни с кем не встречался. Имел свою квартиру.

Конечно, самое последнее дело – спать с женой друга. Но тогда, сохраняя полную конспирацию во всем, ни Антон, ни Лера об этом не задумывались. Она приезжала после работы к нему домой и наконец-то получала то, о чем мечтала все это время. Мужчину, который ее безумно притягивал и удовлетворял в нормальных условиях, а не в сауне. И, самое главное, приятное ощущение того, что здесь ценят не только ее тело, но и душу. Они что-то готовили вместе, ужинали, болтали, смеялись, занимались любовью... И все было бы прекрасно, если бы не одно «но». Долго так продолжаться не могло. Антон, являясь нормальным полноценным мужчиной, потенциальным женихом с собственной московской квартирой и пропиской в придачу, не мог постоянно встречаться с замужней женщиной. Вернее он, инертный, как и многие московские мужчины по своей природе, мог. И долго мог. Но в его большом семействе очень хотели женить Антошу. На девушке из хорошей семьи. И среди многочисленных родственников постоянно шло копошение с целью познакомить Антона с кем-нибудь. Только за время тесного общения Леры с данным персонажем его знакомили раз пять. Но он оставался верен ей. Она же так привязалась к нему – хорошему, ласковому и, вместе с тем, такому страстному и темпераментному, что даже не хотела думать о том, что рано или поздно все закончится. Сидя на работе, стоило ей представить его сильные руки, накачанный торс, жесткие волосы, в которые Лера любила запустить пятерню, глаза, которые становились такими незащищенными, когда Антон снимал очки во время секса, ей сразу же хотелось все бросить и бежать к нему в объятия.

Олег тоже принимал активное участие в поисках невесты для своего лучшего друга. Как-то устроили посиделки, куда пригласили Катю и где, «совершенно случайно», там оказался Антон. Вечер прошел прекрасно, Катя Антону понравилась и он отправился проводить ее домой. Лера старалась держать себя в руках и не выдать Олегу своих настоящих чувств. На следующий день она сразу же позвонила подруге: узнать, как все прошло. Катя сообщила, что кавалер ей не понравился и, вообще, не понятно зачем он навязался провожать ее. Лера, в принципе, предполагала такой расклад.

Катя была та еще штучка. Девушка, очень большого мнения о себе, искала как минимум принца без коня. И не беда, что росточком не вышла, и фигуркой, и вместо грудки два пры-

щика, а вокруг длинноногие модели порхают с пышными бюстами. И дело даже не в том, что у моделей мордочки-то глупенькие, а Катя – москвичка с высшим образованием и двумя квартирами в будущем. Она терялась в догадках: почему именно таких, длинноного-глупеньких, принцы любят? Ну не принцы, но мужчины с толстым кошельком. Сколько же проходило их через нее в течение дня!

Катя работала в секции дорогого белья, куда такие вот дяденьки водили своих любовниц или будущих жен для того, чтобы приобрести им два маленьких кусочка дорожкой кружевной ткани: прикрыть те самые места, ради которых, собственно говоря, дяденьки и любили этих самых глупых моделей. Секция дорогого белья в самом дорогом магазине Москвы «Петровский Пассаж». Вот где сейчас работала девочка Катя, которая к этому времени уже была девушкой, а физиологически – женщиной. Девственности ее лишил дяденька, годящийся ей в отцы, в пору работы в непонятной фирме. Где деньги платили ни за что. Дяденька был симпатичен, галантен и быстро заприметил на этаже молоденький, нетронутый никем бутончик. Который он впоследствии и превратил в нежную розочку. Сделать это было несложно: несколько задушевных разговоров в ресторанах, куда он возил Катю на роскошном БМВ, преданный «влюбленный» взгляд красивых карих глаз, поездка в хороший дом отдыха на выходные. Именно в таком порядке. Катя влюбилась сразу и безоговорочно. И потом, через несколько встреч после того, как дяденька удовлетворил свое любопытство и устремился на поиски других нетронутых бутонов, стала жить его телефонными звонками. Все как обычно, все как у всех. Первый мужчина – самая большая и сильная любовь. Долго пришлось Кате забывать мужчину, которого она, в идеале, хотела видеть рядом с собой. И не беда, что он гораздо старше и женат – молодым девчонкам ведь часто нравятся мужчины возраста их отцов. Ну, а жена – не стена, можно и отодвинуть. Умен, интересен, галантен, умеет себя вести, богат – вот были основные критерии выбора кавалера. Ну и где она найдет те же качества среди сопливых одногодок? Посему и сидела девушка Катя в гордом одиночестве в своей шикарной московской квартире и даже не пыталась знакомиться с кем бы то ни было.

–

Катя, годы идут очень быстро, – поучала ее старшая подруга Лера, после того, как та отказала в свидании своему бывшему однокурснику. – Не заметишь, как двадцать пять, а потом и тридцать... Встречайся, тебя ведь не замуж зовут, и не в постель. Ты сама выбираешь. По крайней мере, у тебя будет опыт общения и ты научишься разбираться в мужской психологии.

–

Что он мне может дать? – был ответ. – Поехать в кафе на метро, выпить кофе? Он мне неинтересен. Мне с ним не о чем говорить...

Безусловно, наш герой Антон не произвел на нее впечатление, он даже не работал в то время. Однако он проявил настойчивость и Лера узнает от Олега, что ребята встретились еще раз. Который и стал последним.

Лера потирала руки, но знала, что недолго ей осталось нежиться в объятиях любовника. Все чаще и чаще слышала она от Олега, что Антон опять встречался с потенциальной невестой. Сама же свою страсть по отношению к нему она сдерживала с большим трудом. Если они втроем шли в кино или просто сидели в гостях у Антоши, она, улучив момент, когда муж выходил, не могла сдерживаться. Хоть до руки дотронуться, хоть вскользь поцеловать. Играла с огнем, одним словом.

Увлечшись Антоном, она поняла, что не любит своего мужа. Да и не любила, наверное, никогда. Просто привыкла, просто относилась тепло, как к мужчине, чье семя, превратившееся в плод, выносила и родила. И теперь она уже точно знала, что развод неминуем. Это всего лишь дело времени.

И вот этот момент настал.

Летом Лера решила навестить родителей, которых давно не видела. Финансовая ситуация для поездки в семье была напряженной. Лериной зарплаты и отпускных хватило только на билеты. Как быть, как потом существовать до следующей зарплаты? К этому времени Олег, и до этого не отдающий всю получку в дом, вовсе перестал давать деньги на жизнь. Только в случае крайней необходимости, да и то свекрови, на Мишку. А так – каждый сам за себя. На кухне давно стояло два холодильника: один – «стариковский», второй – холостяцкий трофей Леры, присланный в контейнере с остальной мебелью после свадьбы и «отдыхающий» на даче до лучших времен. Которые настали... Безусловно, Олег не стеснялся доставать продукты из холодильника родителей, если в своем было пусто, а Лера оставалась на сухом пайке до завтрашнего дня.

–

Езжай, Лера. Тебе надо отдохнуть, родителей повидать, да и нам хорошо бы какое-то время пожить раздельно, подумать о жизни друг без друга. Глядишь, чего и надумаем.

– подбодрил он сомневающуюся жену.

–

Да я бы с удовольствием, но не знаю, как с деньгами выкручусь. Я получу аванс не скоро после приезда. На что жить?

–

На счет денег не переживай – приедешь, я тебе отдам всю свою зарплату, – успокоил Олег. И Лера поверила. Взяв отпуск на две недели, она уехала с сыном. Четырнадцать дней прошли быстро и, вернувшись, она буквально осталась без копейки денег.

–

Олег, ты ведь обещал, что поможешь..., – завела она разговор.

–

Фиг тебе, а не деньги, – он был в этот момент зол. На нее ли, на себя ли, а может просто на жизнь. В последнее время это являлось его стабильным состоянием – озлобленность.

–

Мишка с родителями на даче. А ты иди гуляй, слышишь? – прикрикнул он на нее, когда она сделала слабую попытку что-то возразить. – Радуйся, что вообще живешь здесь бесплатно.

И он добавил что-то смачно-нецензурное в ее адрес, от чего сам и развеселился.

–

Ну и сволочь же ты, – только и смогла произнести Лера.

Было горько, обидно и гадко. И она ощутила такую волну отчаяния и одиночества... Никому на всем белом свете она не была нужна. Никто не интересовался: как ты, сыта ли, счастлива ли, что у тебя на душе? Родители? Как они могут помочь? Лера, будучи дома, даже не стала жаловаться на Олега и описывать ситуацию, как она есть. Заранее знала, что услышит:

–

Не руби с плеча, спрячь свой норов подальше. Какой не есть, а муж. Где ты, разведенная, с ребенком найдешь кого-то другого? Да и в семье ты приличной. Знаю я твой «характерец», – талдычила одно и то же ее мать, с которой Лера когда-то была очень близка.

Материально помочь они никогда не могли – сами нуждались, и ожидали, что рано или поздно дочь, вырвавшаяся в Москву, будет помогать им.

–

Ты отрезанный ломоть, – часто повторяла мать.

Кроме Мишки никого у нее на белом свете не было, и от этой мысли хотелось выть.

После этого случая Лера дала себе зарок: никогда, ни при каких обстоятельствах ни от кого не зависеть по жизни. И всегда иметь в наличии сумму денег, «нз» – неприкосновенный запас. Надо заметить, единственный жестокий урок пошел впрок и всю жизнь Лера держала перед собой свое слово.

Время до следующей зарплаты прошло, с голоду она не померла. Благо, на метро был месячный проездной, а в офисе кормили-поили.

С Антоном все закончилось так же неожиданно, как и началось. История умалчивает о том, нашел ли он свою, единственную. Или просто ему надоела прямолинейная, честная, страстная Лера. Или же он не хотел терять друга, а этого было бы не избежать, если бы отношения между ними двумя продолжались: все тайное становится когда-нибудь явным.

Денег катастрофически не хватало, в офисе поговаривали о скором отъезде владельцев за рубеж. Соответственно, о повышении зарплаты никто даже не заикался. И Лера опять взялась за газету «Из рук в руки». Разместила правильное объявление без слов «интим не предлагать», и стала ждать звонков. Они посыпались сразу. Все было не то...

Однажды вечером, в очередной раз подняв телефонную трубку, она услышала приятный баритон. Спрашивали ее. По поводу работы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.